

Секция 1: Долгий XIX век России: конец XVIII – начало XX в.

Б.Ф. Егоров. Издательский уклон творчества

В 2019 г. много занимался изданием книг и статей (и непосредственно печатью, и комментированием, текстологическими проблемами, созданием научных статей о публикациях).

Будучи руководителем академической серии книг «Литературные памятники», готовил к изданию ряд книг, в том числе выпустил в свет книгу (два романа), где я – ответственный редактор: Каразин Н.Н. На далеких окраинах. Погоня за наживой (М.: «Наука», 2019). Здесь по-новому раскрыты сложности жизни русских в Средней Азии в 1860-1870-х гг.

Являясь председателем редколлегии словаря «Русские писатели. 1800-1917», способствовал изданию 6-го тома (С—Ч), который 15 лет не мог выйти из-за финансовых трудностей (помогла Н.Д. Солженицына, нашедшая спонсоров). В томе мои статьи о Спешневем и Циолковском (он по-новому представлен как активный социально-политический утопист).

Издательство «Юрайт» переиздало мою монографию «О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Силь», где на анализе формальных особенностей содержательно показана социально-политическая и художественная история русской критики XVIII-XIX веков.

По грантам РФФИ готовил к изданию первые тома ПСС А.С. Хомякова и А.А. Григорьева (оба издания – по 10 тт.). Попутно я занимался биографией Ап. Григорьева, его родословной; удалось обнаружить новые события и личности, открыть внука писателя, юриста В.А. Григорьева, его труды и комментированно издать его ценную работу о деде и отце Ап. Григорьева, о сложных аспектах табели о рангах в русской истории.

Выступал с докладами на научных конференциях; очень плодотворным было обсуждение моего доклада о ПСС Хомякова на международной научной конференции «Наследие А.С. Хомякова», которую в Туле организовало руководство Тульской епархии.

М.М. Сафонов. Великая княгиня Екатерина Алексеевна vs великий князь Петр Федорович (Вопрос об обмене Голштинии)

В статье анализируется скрытая борьба за власть, которую великая княгиня Екатерина Алексеевна вела против своего мужа герцога Гольштейн-Готторпского, великого князя Петра Федоровича, наследника российского престола. Автор показывает, что предметом этой борьбы стал вопрос об обмене Голштинии на графства Ольденбургское и Дельменгорсткое. Супруга наследника, секретно уполномоченная мужем управлять его патримонией, старалась из всех сил удалить от управления этой маленькой страной и морально дискредитировать камергера Петра Федоровича Х. А. Брокдорфа, который выступал категорическим противником обмена. Союзником Екатерины был канцлер А.П. Бестужев. Но великий князь не желал лишиться Голштинии, которая являлась для него источником материальных и людских ресурсов. В инсинуациях жены он видел покушение на собственную власть и поэтому добился удаления от дел канцлера и великой княгини. Этот конфликт, вызванный тайным стремлением Екатерины к власти, сделал супругов до конца жизни непримиримыми.

П.В. Ильин. П.Я. Чаадаев в общественно-политическом движении Александровского царствования: некоторые вопросы историографии в свете новых материалов

П.Я. Чаадаев принадлежит к тем фигурам отечественной истории, внимание исследователей к которым не ослабевает уже на протяжении более 150 лет. За это время увидело свет множество трудов, рассматривающих личность философа и публициста, его взгляды, письменное наследие. При этом большая часть научных работ посвящена

мировоззрению П.Я. Чаадаева в период создания «Философических писем» и других его сочинений, его роли и значению в истории общественной мысли в царствование Николая I. Предшествующий период его биографии, который можно назвать «до-философским», когда еще не были созданы его основные философские и историософские тексты, получил сравнительно скромное освещение в «чаадаеведении». Нередко он рассматривается как подготовительный этап к будущему философскому творчеству, не имеющий по существу самостоятельного значения. Предпринятое нами исследование способствует уточнению и конкретизации сложившихся представлений о личности, взглядах, общественно-политической деятельности П.Я. Чаадаева в эпоху Александра I (1815-1825 гг.).

Обнаруженные нами в фонде следствия и суда над декабристами (ГАРФ) новые источники, непосредственно затрагивающие участие П.Я. Чаадаева в общественно-политическом движении 1810-1820-х гг., вносят существенный вклад в имеющийся корпус документальных свидетельств о П.Я. Чаадаеве-декабристе. Они стали отправным пунктом для нового обращения к теме «Чаадаев – участник тайных обществ декабристов», определенной коррекции историографических представлений и, в том числе, для критического пересмотра существующих в историографии устоявшихся и стереотипных представлений и интерпретаций.

Новонайденные архивные документы служат еще одним убедительным свидетельством участия П.Я. Чаадаева в тайных обществах декабристского ряда. Они подтверждают длительность пребывания будущего философа в конспиративной среде, его членство как в Союзе благоденствия, так и в обществе, созданном на Московском съезде 1821 г. Анализ этих свидетельств и следующие из него выводы вносят важный вклад в существующую историографическую ситуацию, которая характеризуется наличием противоречивых и даже противоположных «линий интерпретаций», в том числе противоречащих фактам и указаниям исторических источников или не учитывающих их в полной мере.

Т.В. Андреева. На пути к Великой реформе: крестьянский вопрос в секретных комитетах николаевского царствования

Определение имперской России как страны «запоздалых», «неудачных», реформ, а также современная дискуссия об особенностях российской модернизации обуславливают изучение преобразовательного процесса в широкой исторической перспективе и крупном плане отдельных, но качественно важных его этапов. Принципиальное значение приобретает исследование предыстории крестьянской реформы 1861 г., ее истоков в идейном и практическом смысле. Великая реформа предстает не одномоментным актом, а длительным, в рамках нескольких царствований, процессом, отражавшим сложный, специфический характер модернизации России.

Эпоха Николая I – важнейший этап реформаторского процесса, который характеризуется первым масштабным приступом к решению проблемы крепостничества. Анализ и введение в научный оборот основных источников официального и личного происхождения обусловили научные результаты исследования. В качестве преобразовательного инструмента правительством была использована модель временных высших секретных крестьянских комитетов при Государственном совете. Деятельность шести основных из них (1826 г., 1828 г., 1829 – 1830 гг., 1833 – 1835 гг., 1835 – 1836 гг., 1839 – 1842 гг.), находившихся в преемственной связи друг с другом, демонстрирует наличие целостной преобразовательной программы, для которой был характерен системный, взаимосвязанный подход, а не проведение разрозненных мер. Основанная на принципе эволюционности и постепенности социальных преобразований, отрицании единовременного и резкого уничтожения крепостного права и базирующаяся на концепции двуединой реформы, она была направлена на создание условий для будущей, происходящей в другую эпоху эмансипации.

Я.А. Васильев. Новгородские учреждения мелкого кредита XIX века -- от крестьянского банка А.А. Аракчеева к ссудо-сберегательным и кредитным товариществам

В Новгородской губернии были представлены почти все разновидности учреждений мелкого кредита. История их в Новгородской губернии ведет свое начало от образованных в 1840 г. Министерством государственных имуществ вспомогательных и сберегательных касс государственных крестьян, впоследствии получивших наименование волостных банков (хотя еще в 1820 г. А.А. Аракчеев учредил в с. Грузино банк для собственных крестьян).

Самыми массовыми, многочисленными и максимально приближенными как к сельскому, так и к городскому населению считались кредитные учреждения, созданные непосредственно объединениями предпринимателей или сельскими обществами. Основанные "на принципах всеословности, взаимности и самостоятельности членов, подотчетности общественному контролю", они получали только право выдачи своим членам ссуд под залог движимого и недвижимого имущества.

В Новгородской губернии получили широкое распространение две их разновидности: 1. Кредитные товарищества, основывавшие свою деятельность на Уставе 1885 г. и 2. Ссудосберегательные товарищества, учреждавшиеся по Положению 1895 г. К 1913 г. в Новгородской губернии насчитывалось 62 кредитных и 28 ссудосберегательных товариществ, объединявших 54,5 тыс. индивидуальных и ассоциированных членов. Тогда же товарищества выдали в ссуду 1 млн. 370 тыс. руб., приняли вкладов на 820 тыс. руб., получив чистой прибыли 685 тыс. руб. и отчислили на благотворительность 1600 руб. в год.

Кроме вышеперечисленных, в Новгородской губернии действовали и сословно-общественные учреждения мелкого кредита; удельные и сельские банки, вспомогательные сельскохозяйственные и ссудосберегательные кассы. В 1913 г. они объединяли почти 10 тыс. единоличных и коллективных членов, выдали им в ссуду более 218 тыс. руб., приняли вкладов на 25 тыс. руб., получив чистой прибыли 6 тыс. руб.

Не были обойдены вниманием кредитных учреждений и городские жители, не обладавшие недвижимой собственностью. В случае крайней необходимости они могли получить небольшую ссуду под залог драгоценностей, личных вещей и прочего движимого имущества (из 12 % годовых) в городских ломбардах, действовавших в Тихвине (с 1889 г.), Старой Руссе (с 1890 г.), Новгороде (с 1894 г.), Белозерске (с 1913 г.). В 1913 г. они выдали таких ссуд более чем на 88 тыс.руб., получив чистой прибыли 1 тыс. 866 руб.

Таким образом, к 1914 г. в Новгородской губернии был накоплен большой разносторонний опыт организации кредитной системы для обслуживания нужд разных слоев населения, который, безусловно, может оказаться полезным в условиях построения новой экономики современной России.

И.В. Лукоянов. Изменения во внешней политике Российской империи во второй половине 1870-х - конце 1880-х гг.

1. Вторая половина 1870-х гг. ознаменовалась соперничеством министра иностранных дел А.М. Горчакова и посла в Константинополе Н.П. Игнатьева вокруг политики на Балканах. Если МИД предпочитал решать возникающие проблемы в рамках «концерта держав», то Н.П. Игнатьев при участии Р.А. Фадеева сделал ставку на сепаратные действия России, направленные на раздел Турции. Краха Порты предполагалось достичь с помощью комбинированного удара с трёх сторон: славянского восстания на Балканах, удара египетского хэдива с юга и атаки русской армии из Закавказья.

2. Несмотря на авантюристичность плана (он оставлял за скобками возможные ответные меры Англии), его однозначно поддержал наследник престола Александр Александрович, в итоге идея получила частичное воплощение (ставка на болгарское восстание, Сан-Стефанский мирный договор, предусматривавший создание «большой Болгарии»).

3. Отступление России от достигнутого на Берлинском конгрессе 1878 г. было следствием не только промахов российских дипломатов, но и невозможностью сочетать

позиции Горчакова и Игнатьева. Другим результатом стало раздвоение внешней политики России, уменьшение влияния МИДа и появление альтернативных решений, к которым прислушивался царь и которые делали курс Петербурга внутренне противоречивым.

4. Этот процесс получил развитие при Александре III, он нашёл отражение в изменении европейских ориентиров России с Германии на Францию, который состоялся во второй половине 1880-х гг.

5. За переориентацией Петербурга стояли сначала М.Д. Скобелев и Н.П. Игнатьев, затем их линию подхватил М.Н. Катков, предъявив МИД и лично министру Н.К. Гирсу требование проводить «национальную» внешнюю политику. Сначала это понималось как меры по укреплению влияния России на Балканах, которому препятствовали Австро-Венгрия и стоящая за ней Германия.

6. Именно Катков поднял в печати кампанию за сближение с Францией. В этом направлении в Париже стали действовать некоторые близкие ему лица (И.Ф. Цион, Е.В. Богданович). Александр III, благосклонно относившийся к идеям публициста, возмутился его прямыми директивами в области внешней политики. Однако поворот, продвигавшийся журналистом, стал на рубеже 1880-1890-х гг. фактом: создание русско-французского союза изменило соотношение сил в Европе на несколько десятилетий.

7. За «национальной» внешней политикой скрывался также ряд опасных процессов, в частности, большая роль «вневедомственных влияний». Появившись в 1880-х гг., они постепенно набирали силу и в начале XX века привели Россию к войне с Японией.

С.К. Лебедев. Проект Трансперсидской железной дороги: новые материалы

Железные дороги на Дальнем и Ближнем Востоке (Сибирская магистраль с КВЖД, Багдадская железная дорога и линии в азиатской Турции), связанные с политико-экономическими интересами великих держав и международными финансовыми группами – неотъемлемая часть империализма до Первой мировой войны. В этом ряду – не реализованные проекты трансмировой линии для соединения Северной Америки с Транссибирской магистралью, Трансперсидская дорога для связи Европы через территорию Российской империи (Закавказская или Закаспийская железные дороги) с Британской Индией через Персию.

Кроме черновиков проекта Трансперсидской железной дороги мы обнаружили оригиналы писем (октябрь 1889) парижского банкира барона Г. де Субэйрана, директора Banque d'Escompte de Paris, инициаторам дороги от Кавказа к Персидскому заливу Н. Хомякову, С.Третьякову и барону П. Корфу об условиях финансовой поддержки проекта (линии, порта и флотилии для транспорта в Индию), на волне серии русских займов в Париже (в «Красном Архиве» (1933) опубликована справка из русского МИДа). Об интригах в русской группе международного консорциума Трансперсидской железной дороги и отношениях с французскими и британскими участниками повествуют письма члена русской группы, директора парижского отделения Русско-Азиатского банка Николая Рафаловича. Российская империя (как и Британская) не обещала проекту Трансперсидской железной дороги своей гарантии, чего добивались его инициаторы, вынужденные искать финансовых партнёров за границей. Интернационализация этого важного геополитического железнодорожного проекта не совпадает со сложившимся в литературе противопоставлением двух путей русского империализма на Востоке: «маньчжурского» (как частно-государственного партнерства при значительном участии иностранного капитала) «персидскому» (как чисто государственному делу).

С.В. Куликов. Мемуары чиновников конца XIX – начала XX в.: актуальные проблемы изучения.

В связи с исследованием истории России конца XIX – начала XX в. обращают на себя внимание мемуары чиновников разных рангов. Актуальные проблемы, связанные с изучением этих мемуаров, обусловлены обстоятельствами, первое из которых заключается в том, что мемуары, как известно, являются по своей природе наиболее субъективным историческим источником. Для примера достаточно сослаться на воспоминания графа С.Ю.

Витте. Здесь важно учитывать – когда, в какой обстановке создавались мемуары. Если Витте писал их исключительно для той «битвы документов», которую он начал вести еще при жизни, то чиновники, занимавшие менее политизированные или важные посты не имели повода для создания нарратива, противоречившего исторической реальности. Сам вопрос о том – могут ли мемуары чиновников адекватно отражать упомянутую реальность – представляется риторическим. В условия постмодернизма любая точка зрения, в том числе – и опровергающая постмодернизм, да и модернизм, является абсолютно полноправной, а потому – постмодернизм упраздняет сам себя, что способствует торжеству «старой доброй» академической науки. Как говорится – «назад, к Канту!» Конечно, мемуары чиновников можно классифицировать, исходя из формального признака – тех должностей, которые они занимали. Однако, представляется целесообразной и классификация, основанная на степени информативности мемуаров, а она – эта степень – зависит не только от формальных, но и неформальных позиций. Тут надо упомянуть о воспоминаниях В.Ф. Романова «Старорежимный чиновник». Хотя их автор, на протяжении своей службы, занимал должности низшего и среднего порядка, достигнув высших должностей только незадолго до 1917 г., однако по степени информированности, он, как чиновник, работавший внутри системы, создал нарратив, имеющий исключительную ценность. Это не значит, однако, что мемуары чиновников низшего и среднего звена более ценны, чем мемуары их высокопоставленных собратьев. Воспоминания князя В.Н. Шаховского, во всяком случае, опровергают данный стереотип. Он писал свои воспоминания как бы нехотя, не имея тех комфортных условий, в которых «баловался пером» Витте. Решение о написании мемуаров Шаховской принял только после кончины его жены – она, собственно, и была инициатором того, чтобы князь подготовил первоначальный набросок мемуаров. Очевидно, что здесь у бывшего чиновника, так сказать – «бывшего князя», не было причин, которые могли бы слишком понизить потенциал достоверности его воспоминаний, хотя, с другой стороны, как эмигрант, Шаховской лишился доступа не только к личному архиву, но и к архивам вообще. Решению этой проблемы способствует составление обширного комментария, основанного как на опубликованных, так и на архивных источниках, оставшихся в делопроизводстве в связи с государственной деятельностью Шаховского. Сопоставление его всеподданнейших записок и докладов с мемуарами содействует решению проблемы верификации указанных мемуаров.

Д.А. Баринов. Студенческие организации латышей в Санкт-Петербурге (конец XIX – начало XX вв.)

В советской и российской историографии общепринятым считается представление дореволюционного студенчества Санкт-Петербурга и как активного борца за академические свободы, и как источника кадров для радикальных политических партий (прежде всего эсеров и большевиков). Однако долгое время в трудах историков не находило отражение национально-освободительная сторона студенческого движения тех лет. Между тем в среде учащихся столичных вузах сформировались крупные объединения белорусов, эстонцев, украинцев, поляков, латышей. Последние были наиболее активными в деле создания студенческих самоорганизаций на рубеже XIX-XX вв.

Можно выделить три основных типа организаций латышей – землячества (рижское), научные и просветительские кружки («Рукис») и корпорации (Fraternitas Petropolitana), создаваемые при Санкт-Петербургском университете, Академии художеств, Институте путей сообщения и др.

Анализируя выбранный нами 30-летний период существования студенческих объединений латышей в столице, необходимо отметить, что со временем они полностью отошли от политической борьбы. В то время как другие студенческие национальные объединения в начале XX века существовали в той или иной связи с крупными революционными движениями, латыши, наоборот, после 1880-х гг. в подобных сношениях заметны не были. Возможно, это связано с тем, что у латышей в это время существовали относительно крупные и напрямую не связанные с высшей школой политические

объединения. История латышских студенческих объединений также позволяет проследить разные стадии формирования революционного национально-освободительного движения: кружки 1880-х гг., затем объединение кружков в «Новое течение» и далее Латвийская социал-демократическая рабочая партия, которая впоследствии влилась в общенациональную партию РСДРП. Что примечательно многие латыши смогли пройти все названные этапы. С конца 1880-х гг. студенты-латыши стали создавать преимущественно просветительские кружки или общества взаимопомощи: и в такой аполитичной среде вырос целый ряд заметных государственных деятелей, а также представителей латышской интеллигенции.

Л.А. Булгакова. Междисциплинарный подход к изучению истории медицины

На рубеже XX – XXI вв. заметно усилился интерес к истории медицины, которая переросла рамки узкоспециальной дисциплины. Если раньше история медицины была уделом преимущественно самих медиков, то теперь к ней обратились историки, не имеющие специального медицинского образования. Они привнесли с собой разнообразие подходов и методов изучения истории медицины, расширили ее исследовательское поле и раздвинули горизонты историко-медицинских штудий, что не снижает значимости конкретно-исторических исследований по отдельным медицинским специальностям и отраслям.

Глубинный процесс «реструктуризации» историко-медицинских исследований не являлся одномоментным, а длился на протяжении десятилетий. Среди причин, вызвавших значительные изменения в подходе к истории медицины, следует назвать обогащение исторических исследований и накопление опыта междисциплинарных работ, влияние зарубежной историографии, в частности трудов Мишеля Фуко, а также медиализацию нашей жизни, в которой медицина выдвинулась на первый план.

История медицины изучается в тесной связи с историей страны, ее экономикой, политикой, наукой и культурой. В качестве особого направления выделилась социальная история медицины, ранее традиционно понимаемая как история социальной гигиены. Ныне социальная история медицины включает в себя широкий спектр исследований на стыке с социологией, правом, демографией, психологией, антропологией, историей государственных учреждений, общественных организаций, профессий, высшего образования, повседневности, гендерных, социальных и межнациональных отношений. Непреходящее значение имеет расширение источниковой базы исследований и введение в научный оборот новых источников, в том числе эго-документов, отражающих историю через призму личностного восприятия.

Б.С. Каганович. К биографии Р.И. Козинцевой (по новым материалам)

1. Специалист по истории России XVIII века Руфь Иосифовна Козинцева (1906-1985) работала в ЛОИИ АН СССР в 1956-1970 гг. В докладе рассматриваются страницы ее биографии, интересные и важные для истории отечественной исторической науки XX века. Работа дополняет и уточняет очерк Р. Ш. Ганелина, основанный на воспоминаниях и материалах личного и следственного дел Р.И. Козинцевой. Статья Б.С. Кагановича базируется на письмах Р.И. Козинцевой из сибирской ссылки, адресованных ее учителю, известному ленинградскому историку А.И. Андрееву.

2. Выпускница ЛГУ, Р.И. Козинцева с 1931 г. являлась научным сотрудником Историко-археографического института АН СССР, который через 5 лет стал Ленинградским отделением Института истории АН СССР. Арестованная в 1937 г., Р.И. Козинцева почти 20 лет провела в тюрьме и ссылке. Освобожденная в 1944 г. из колымского лагеря, она поселилась в Красноярске, где работала экономистом. Письма к А.И. Андрееву ярко рисуют обстоятельства ее жизни, различные мытарства, круг общения, содержат интересные замечания о книгах, знакомых историках и событиях на историческом и литературном «фронтах».

3. Особенно интересны письма Р.И. Козинцевой 1953-1956 гг., подробно освещающие этапы ее «возвращения в жизнь» и, в частности, механику ее восстановления в ЛОИИ. Они очень выразительно раскрывают специфику функционирования науки в советский период.

Думается, что эти материалы вносят дополнительные штрихи и в образ А.И. Андреева, которого принято представлять человеком строгим, жестковатым и несколько колючим. Он очень внимательно и заботливо относился к своей ученице, помогал ей в самые трудные времена, и она всегда хранила о нем благодарную память.

Герд Л. А. Русская политика на христианском Востоке в XIX-начале XX в.

В последние годы мной проводится исследование отношений России с Александрийским и Антиохийским патриархатами в XIX-начале XX в. В первом случае архивные источники группируются вокруг следующих тем: сбор материальных средств для Александрийской церкви и открытие подворья в Москве; проекты присоединения египетских униатов к православной церкви; борьба за александрийский патриарший престол в начале 1860-х годов и попытка оказать влияние на политику в регионе. Основным выводом проведенного исследования заключается в том, что российское влияние в Египте было слабым и ограниченным, ввиду слабости экономической базы и удаленности от Константинополя. Данный материал публикуется впервые и заполняет существенную лакуну в истории русской политики на Ближнем Востоке в XIX-начале XX в.

Второй большой проект, начало которому также положено в минувшем году—«Россия и Антиохийский патриархат в XIX-начале XX в.» Церковная сторона русской политики в Сирии также никогда не становилась предметом систематического исследования. Проводится поисковая работа в РГИА (фонды Св. Синода, митрополита Филарета Дроздова, К. С. Сербиновича). Архивные источники по этой теме до сих пор оставались совершенно вне поля зрения исследователей. Материал здесь гораздо большего объема, чем по Александрийскому патриархату. Основные проблемы, вокруг которых он группируется -- сбор пожертвований в России, контроль над их расходованием, открытие школ в Сирии и Палестине, основание подворья Антиохийского патриархата в Москве. Особое внимание привлекают сюжеты, связанные с присоединением униатов и поддержкой, оказанной этому движению русским правительством; вопрос об избрании и утверждении патриарха —араба на Антиохийском престоле. На основании выявленных и введенных в научный оборот документов можно сделать вывод о том, что в сравнении с Египтом, русская политика в Сирии была гораздо успешнее, что выразилось в открытии сети школ Палестинского общества для православных арабов и избрании патриарха-араба в 1899 г., пользующегося непосредственной поддержкой России.

Особая актуальность обоих проектов связана с осмыслением исторического опыта церковной политики в Сирии, Палестине и Египте в настоящее время.

Секция 2: История России от Средневековья к раннему Новому времени: Власть и общество

М.Б. Свердлов. К изучению хор новгородских храмов XI — первой трети XII в.

В научной литературе существует мнение, в соответствии с которым на верхних галереях церквей находились только женщины (Е. Е. Голубинский, А. А. Голубева). Э. А. Гордиенко предположила существование в русском православном ритуале XI в. «древнего обычая стояния князя перед алтарем вместе с дружиной, семьей и то время немногочисленными новгородскими христианами». Между тем, широко распространено мнение, что в соответствии со своим социальным и политическим статусом во время богослужения князь находился на верхних хорах церкви. Это мнение является обоснованным, но оно содержит значительные возможности для комплексного культурологического и антропологического анализа. При этом хоры новгородских храмов нуждаются в особом функциональном изучении.

В киевской церкви Богородицы (освящена в 996 г.) в отличие от византийских образцов на ее галереи вела лестничная башня. Она обеспечивала церемониальное восхождение князя на южные хоры, подобное византийской императорской традиции. Такое восхождение

повторяло византийскую традицию, но возведение этой башни стало началом многовековой истории переосмысления на Руси иностранного культурного опыта. В Софии Киевской (заложена в 1037 г.) две лестничных башни для восхождения на южную галерею мужчин во главе с князем и на северную галерею — для женщин. Особое значение южной галереи для князя выразилось также в формировании русского обычая княжеского погребения в южной части церкви. То есть, византийская традиция нахождения императора во время богослужения на южных хорах, продолженная и переосмысленная на Руси в виде присутствия там же князей, устройства в южной галерее княжеских и царских погребений, стала одним из культурных кодов.

Новгородское храмовое строительство продолжило киевские архитектурные традиции с определенными особенностями. В Софии Новгородской, заложенной в 1045 г. князем Владимиром Ярославичем, лестничная башня, которая вела на хоры, по-прежнему была расположена в юго-западной части собора. Княжеские новгородские храмы — церковь Благовещения на Городище (1103) и Никольский собор на Ярославом дворе (1113) были возведены новгородским князем Мстиславом Владимировичем, когда его отец Владимир Мономах сохранял политическое единство Русского государства, подавляя сопротивление новгородского боярства. Это противостояние выразилось в частности в новгородском княжеском строительстве храмов этого времени.

Посвящения церквей Благовещению и св. Николаю подразумевали их предназначение в равной мере для князей и новгородцев. Однако противоречие между этими устремленными ввысь княжескими храмами первой трети XII в., утверждавшими могущество княжеской власти, и небольшим пространством в них для молящихся свидетельствовало о сохранившихся противоречиях князя и новгородцев. Вход на южные хоры Никольского собора осуществлялся переходом из княжеского деревянного дворца.

Князь мог находиться на хорах во время многочисленных церковных служб без причастия. Как написано в «Златоструе», должно причащаться хотя бы три раза в году, но не менее одного раза. Так что князь мог только несколько раз в году подходить к причастию в предалтарной части храма, но, следуя византийскому церемониалу, мог причащаться на хорах от священника.

Таким образом, в конкретных условиях конца XI — первой трети XII в. церковь Благовещения на Городище и Никольский собор стали символами княжеской власти, стремившейся к компромиссу с Новгородом, но с ограничением его прав, что выразилось в пропорциях этих храмов и в княжеском нахождении на южных хорах.

***А.В. Сиренов.* «Сказание о верных святых князьях русских» в древнерусской письменности**

Сочинение неизвестного древнерусского книжника, повествующее о начальной истории Северо-Восточной Руси, дошло до нас в конвое русских летописей первой половины XV в. Наиболее ранний его вариант известен как статья «А се князи русстии», которая входит в комплекс историко-родословных материалов, помещенных после основного текста Новгородской I летописи младшего извода в Комиссионном списке середины XV в. Этот же текст представлен в Летописи Авраамки третьей четверти XV в. и в Летописце епископа Павла (XVI в.). Совершенно очевидно, что название «А се князи русстии» текст получил при включении в состав историко-родословных материалов, что произошло в 20-е годы XV в. Второй вариант Сказания, имеющий заглавие «Сказание о святых верных князьях русских» и сохранивший к тому же ряд первоначальных чтений, утраченных в статье «А се князи русстии», дошел в так называемых белорусско-литовских летописях: Никифоровской (середина XV в.), Супрасльской (первая половина XVI в.). Есть основания считать, что заглавие второго варианта присутствовало уже в архетипе сочинения.

Полагаем, что «Сказание о святых верных князьях русских» было составлено в середине XIV в. и к началу XV в. претерпело некоторые изменения. Оба его варианта, в составе Комиссионного списка Новгородской I летописи и в составе западно-русских летописей, независимо восходят к архетипу. В книжности Московской Руси XVI–XVII вв.

получил распространение вариант Комиссионного списка, т.е. статья «А се князи русстии». Заимствование из этого текста зафиксированы в так называемом Владимирском летописце первой половины XVI в., в Новгородской Большаковской летописи, в Степенной книге, в летописных подборках конца XVI в. РНБ, Погод. 1596, в повестях о начале Москвы XVII в. и ряде других текстов. Вариант западно-русских летописей был использован в качестве источника при составлении Тверского сборника, окончательное оформление которого проходило на территории Литовской Руси.

Уникальные известия Сказания об истории Руси XII–XIII вв., основанные на преданиях и зачастую недостоверные, исследователи иногда принимают за сообщения летописей и доверяют им – только на том основании, что встречаются эти известия в составе перечисленных летописей и исторических сочинений. Важно подчеркнуть, что легендарные известия были заимствованы поздними летописями из Сказания, а не наоборот.

3.В. Дмитриева. О перспективах изучения документального наследия Кирилло-Белозерского монастыря

Кирилло-Белозерский монастырь с момента своего основания в 1397 г. становится одним из духовным центром Московской Руси, на протяжении XV–XVI вв. — крупнейшим землевладельцем Русского Севера. В его стенах были сосредоточены памятники средневековой культуры (иконы, украшенные дорогими прикладами; церковное убранство и облачение; библиотека, насчитывавшая сотни книг; предметы быта; одежда; архив и др.).

Широкое введение в научный оборот документального наследия Кирилло-Белозерского монастыря начинается после издания академиком Н.К. Никольским в 1897 и 1919 гг. фундаментального труда по монастырскому строительству с приложением комплекса материалов из монастырского архива.

За последние 30 лет из архива монастыря изданы вытная книга 1559 г., переписная вотчин 1601 г., хлебные оброчники конца XVI в., приходо-расходные денежные и хлебные книги 1601–1637 гг., опись строений и имущества 1601 г. и др.

В настоящее время продолжается изучение и подготовка к изданию первой вкладной книги Кирилло-Белозерского монастыря (1550/60–1620-е гг.). Вкладные книги представляют собой один из распространенных видов учетно-хозяйственной документации православных монастырей XVI–XIX вв. Их ведение начинается после Стоглавого собора 1551 г. В Кирилло-Белозерский монастырь вклады (деньги, земельные угодья, иконы, книги, хлеб, скот, предметы быта и проч. имущество) вносили российские государи, князья, бояре, приказные люди, дети боярские, священники, посадские люди, крестьяне и даже нищие. «Даяния» делались при пострижении, на помин души с записью в «вечный» или повседневный синодики («сенаники»), на молебен, на ремонт храмов, на реставрацию почитаемых икон.

Комментированное издание вкладной книги Кирилло-Белозерского монастыря 1550/60–1620-е гг. предполагает развернутое источниковедческое и историческое введения, где будут раскрыты обстоятельства поступления и значение даяний в истории отдельных родов и социальных групп, изучены составы вкладов, показано место «даяний» в монастырском строении и жизни обители.

В целом работа направлена на введение в научный оборот нового материала по истории культуры и повседневности, социальной и экономической истории российского государства, а также поминальной практике в православном средневековом обществе.

А.П. Павлов. Изменения состава и облика московских чинов Государева двора в первые годы царствования Михаила Романова (1613–1626 гг.)

Исследователи последних десятилетий (Р.О. Крамми, О.Е. Кошелева, П.В. Седов, П. Бушкович, А.П. Павлов и другие) решительно пересмотрели традиционные представления об упадке боярской знати в XVII в. Эти выводы, сделанные на основе изучения состава и облика верхнего слоя двора — Боярской думы, нуждаются, однако, в подкреплении анализом состояния прочих чинов Государева двора и, прежде всего, московских чинов.

История Государева двора XVII в. остается в целом слабо изученной и до сих пор не стала темой специального монографического исследования.

Несмотря на неполную сохранность комплекса боярских списков до середины 1620-х гг., дошедшие до нас источники (данные боярских списков 1624–1626 гг., земляного боярского списка 1613 г., боярской книги 1615 г, Осадного списка 1618 г., жилецких списков 1614–1625 гг., десятиен, разрядных книг и др.) позволяют в целом достаточно полно представить персональный состав дворовых чинов и общие тенденции эволюции Государева двора в первые 13 лет царствования Михаила Романова.

В послесмутный период наблюдаются весьма интенсивные изменения в численности и составе Государева двора. Если к началу Смуты двор насчитывал 1570 человек, то к концу первой четверти XVII в. его численность составила около 3 580 человек, то есть увеличилась почти в два с половиной раза. При этом наиболее интенсивно росла численность московских чинов (стольников, стряпчих и дворян московских).

Рост численности московских чинов дворянства за счёт выходцев из уездных дворян сопровождался уменьшением в них доли представительства старой княжеско-боярской знати. Если до Смуты доля представителей знатных княжеско-боярских родов среди стольников составляла более 90 %, среди дворян московских – около 76 %, среди стряпчих — около 60 %, то в середине 1620-х годов она составляла соответственно лишь около 55 %, 15 % и 15 %.

Приведенные выше данные, однако, едва ли можно однозначно трактовать как свидетельство вытеснения при дворе «боярства дворянством». Анализ данных о служебных, земельных, родственных и личных связях при московском дворе приводит к выводу об активном процессе интеграции новых людей в систему московских придворных отношений, что позволяет говорить скорее не о вытеснении, а о пополнении московской служилой знати представителями новых родов, которые оказывались тесно связанными родственными и клановыми интересами со старой аристократией.

О.А. Абеленцева. Проблемы изучения и публикации правоустанавливающих документов архива Успенского Тихвинского монастыря

Изучение актов и материалов писцового дела, определявших особенности формирования комплекса монастырских вотчин Успенского Тихвинского монастыря, позволяет установить их состав и социально-экономические процессы, способствовавшие их получению. Кризис последней четверти XVI — начала XVII века привел к утрате части жалованных грамот монастыря. Сравнительный анализ сохранившихся актов и материалов писцового дела первой четверти XVII в. показал, что в тех и других, вероятно, по небрежности были допущены ошибки. В дозорных книгах, отражающих количество монастырской пашни, имелись пропуски. В жалованных грамотах деревня, относящаяся к монастырской пашне, была написана в числе вотчинных, тогда как фактически на ее землях располагался Тихвинский посад. Во второй половине и особенно в последней четверти XVII в. к документированию старых и новых пожалований стали предъявляться более строгие требования, предполагавшие получение на земли и угодья отводных книг.

Проблемы с документированием земельных прав возникали у большинства помещиков и вотчинников в силу того, что в Смуту погибли многие документы, сменились владельцы, а данные писцовой книги 1563/64 и дозорных книг 1582/83 и 1619/20 годов содержали противоречивую информацию. В документах упоминается указ 1676/77 г., данный по челобитной новгородского митрополита Корнилия, архимандритов, игуменов и строителей новгородских монастырей, о проведении повального обыска для установления прав собственников, утративших документы. Процесс этот из-за судебных разбирательств был длительным. Например, в Поозерье, где находился приписной к Успенскому Тихвинскому Николаевский Мостицкий монастырь, писцовая комиссия Федора Нащокина работала с 1673/74 по 1685 гг.

Для Успенского Тихвинского монастыря получение всех необходимых документов на земли и угодья также потребовало значительного времени и усилий. При этом

документирование права на монастырскую пашню предполагало получение сотной выписи из писцовой книги 1563/64 г., а подтверждение права на владение рыбными ловлями на реке Воложке наоборот предполагало признание этой же писцовой книги «отставной», то есть не используемой в спорных делах. Имеющиеся данные говорят о том, что в сфере установления имущественных прав последствия Смуты не были преодолены вплоть до последней четверти XVII в.

В.Г. Вовина-Лебедева. Русский Север в материалах государственных описаний второй половины XVII в.

Для анализа использовались государственные описания Важского уезда в архиве СПБНИИ РАН. Одна из наиболее ранних книг — «тягольно-солдатская» (по определению Ю.С. Васильева) книга Подвинской четверти Важского у. 1665 г. (далее — ТСК). Это рукопись из колл. 115, д. 309, сохранившаяся в копии XVIII в. Подавляющее большинство случаев набора в солдаты, отмеченных в ТСК, имели место в самом начале войны в 1654–1655 гг. Писцам было дано задание фиксировать судьбы солдатских жен и детей. Поэтому ТСК содержит больше сведений о крестьянских семьях, в частности, о женщинах и судьбе их детей, чем другие переписные книги. Можно выделить несколько типичных вариантов женских и детских судеб. Из 430 случаев ухода в солдаты женатых крестьян, зафиксированных в ТСК, в 120 случаях их жены продолжали жить у родственников (чаще всего у свекра или деверя). В большинстве случаев дети оставались вместе с матерью или мачехой (последнего нельзя исключать). Помета «бездетна» означала, что у солдатки не было детей, а если по этому поводу не делалась никакой пометы, это могло значить лишь, что отсутствуют дети мужского пола, то есть, что у родственников осталась жить солдатская жена с дочерьми. Но часто солдатская жена и дети по какой-то причине не получали приюта у родственников: ни у родни мужа, ни у своей. Тогда они «скитались в мире», то есть кормились за счет общины. По ТСК скитались бездетными 11 крестьянок, вместе с сыновьями 10, без всякого обозначения 57. Таким образом, солдатские жены с сыновьями гораздо реже скитались (чаще находили приют у родственников), чем крестьянки с дочерьми. Ребенок мог «скитаться в мире» и без матери (случаи нечасты), как и нищенство детей при живом и не ушедшем в службу отце. Также дети и жены солдат могли сами владеть жеребьем (несколько случаев). Тут мы узнаем имена и возраст сыновей, являвшихся единственными мужчинами во дворе. Чаще всего их матери — вдовы солдат, реже жеребьем владели солдатские жены.

Последний вариант устройства семьи после ухода главы в службу — солдатская жена выходила замуж (судя по всему, это происходило, в значительной части случаев, пока муж был жив и находился в службе, поскольку о гибели солдата на службе в ТСК всегда делалась запись). Очевидно, речь идет о каких-то формах невенчанного брака. Дети могли жить у родственников первого мужа (случаи единичны, как и другие: когда солдатская жена выходила замуж, а дети скитались в мире). Обычно если речь шла о солдатских женах, вышедших замуж, дети вообще не упоминаются. Трудно представить себе, что во всех 166 случаях, когда по данным ТСК солдатские жены вышли замуж без пометы о смерти мужа, они имели только дочерей, а не сыновей, и именно поэтому дети не обозначены в описании. Естественнее предположить, что замуж выходили в основном бездетные женщины.

Т.В. Сазонова. Потребление соли в монастырях Русского Севера в XVI–XVII вв. (на примере Кирилло-Новозерского монастыря)

Кирилло-Новозерский монастырь — один из небольших монастырей Белозерского края, возникший в начале XVI в. Основанный как маленькая пустынь, уже к середине XVII в. благодаря царским пожалованиям владел более чем 20 поселениями. В то время начинается каменное строительство, почитание основателя монастыря Кирилла Белого выходит за рамки Белозерского края. Подобных монастырей только в Белозерском крае было более 20. Именно малые и средние монастыри составляли большинство на Русском Севере, и в Московском государстве в целом. Однако архивы большинства таких монастырей не сохранились. Уникальность Кирилло-Новозерского монастыря состоит в том, что до нас дошли приходе-

расходные книги, описи монастырского имущества, акты XVI–XVII вв. Комплексное изучение этих документов дает возможность ответить на ряд вопросов экономической и повседневной жизни общества средневековья и раннего нового времени.

Настоящая работа посвящена изучению соли, второго по значимости товара после хлеба.

1. Монастырь получал деньги за соль (наряду с воском, ладаном, медом) в составе государственной руги, полученной монастырем в 40-е гг. XVI в. и получаемой монастырем до 1620-х годов XVII в. В 1623 г. монастырю выдается жалованная грамота Михаила Федоровича о беспошлинной покупке соли в Каргополе на 60 рублей. Эта грамота впоследствии подтверждалась всеми государями вплоть до Петра I.

2. В расходных соляных книгах отразился ряд аспектов повседневности. В работе рассмотрена проблема потребления соли, распределения соли внутри монастыря: «в еству», «в хлебы», на просфоры, на заготовки (засолка рыбы, грибов, огурцов, капусты). Предпринята попытка определить количество и норму потребления соли. Отмечены случаи использования соли в качестве вознаграждения, проанализированы особенности доставки и хранения соли в монастыре.

3. Показаны особенности составления черновых и беловых соляных книг Кирилло-Новозерского монастыря. Особенности фиксации соли в монастырских документах. Полнота учета, единицы измерения (пуды, гривенки большие, малые, рогожи, др. емкости). Распределение записей о выдаче и продаже соли в расходных соляных и приходо-расходных денежных книгах.

4. Кирилло-Новозерский монастырь, не имея своих соляных варниц, вынужден был покупать соль, поэтому в приходо-расходных книгах отразились рыночные цены. Эти документы являются важным материалом для изучения ценообразования в Московском государстве. Сохранившиеся источники позволяют выявить цены на соль с конца XVI в. до конца XVII в.

Приходо-расходные денежные книги сохранились не за все годы, графики цен нельзя построить на основании документов одного монастыря. Но эти материалы могут стать частью будущей базы данных, в которой будут аккумулированы данные по ценам в общероссийском масштабе.

П.В. Седов. Приверженность русских людей традиции во второй половине XVII — начале XVIII в.

В дискуссии о том, является ли петровская эпоха закономерной наследницей исторического развития России, существенным аргументом может стать изучение биографий исторических персонажей, в том числе людей второго плана, которые в совокупности и есть собственно история страны.

Жанр исторической биографии — портрет человека на фоне эпохи — один из эффективных способов исторического анализа, когда факты жизнеописания отдельного персонажа становятся фактами анализа крупных исторических явлений.

На основе новых источников, хранящихся в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН и впервые вводимых в научный оборот, проанализированы факты трех биографий переходного периода в истории России второй половины XVII — начала XVIII в. (окольничего Федора Михайловича Ртищева, архимандрита Гавриила Домецкого и Александра Даниловича Меншикова).

Названные деятели не были непосредственно связаны друг с другом. Тем более показательно, что в их реконструированных биографиях можно заметить общую черту, характерную, пожалуй, для большинства людей петровского времени, которые родились и сформировались в царствование Алексея Михайловича, а некоторые — и в первой половине XVII в. Наблюдения над особенностями мировосприятия этих исторических лиц через анализ реальных поступков позволили прийти к выводу о влиянии традиции на их поведение. Это было следствием восприятия новшеств людьми Московского государства еще до воцарения Петра Великого, а тем более — до начала его взрослого правления. В

петровскую эпоху такие характерные для недавнего времени представления и обычаи продолжали существовать, определяя лицо эпохи.

В рамках биографий отдельных исторических лиц становится более очевидным, что предпетровское время и сама эпоха Петра Великого были неизбежным для России освоением передового западного опыта при сохранении собственной самобытности.

Е.В. Анисимов. Детский сподвижник Петра Великого

История Конона Зотова и уникальна, и типична. Родившись в семье Никиты Зотова, ближайшего сподвижника Петра Великого, он был с неизбежностью вовлечен в ту жизнь, которой жил петровский круг вельмож, оказался в обстановке появления в этой жизни совершенно нового, того, что мы называем петровскими преобразованиями. Неудивительно, что в четырнадцатилетнем возрасте Конон был послан, по воле Петра, наряду с другими юношами учиться морскому делу в Англию. Но удивительно, что произошло это по добровольному желанию юного Конона. Более того, через три года пребывания на английском флоте он попросил царя продлить его командировку для совершенствования своих навыков. Это поразило царя, который писал, что ничего подобного он еще не слышал, что не бывало до этих пор, чтобы «кто из младых, оставя в компаниях забавы, своею волею шуму морского слушать хотел». Конечно, этот уникальный случай можно объяснить особым увлечением юноши романтикой морской службы. Однако в этом проявилось нечто большее. Юношеский поступок К.Н.Зотова, как и вся его последующая жизнь, говорил о том, что петровские преобразования нашли отклик в среде людей, которые принимали и понимали их. Это видно по тому, как в дальнейшем действовал Зотов, служивший на флоте, выполнявший разные, и довольно сложные, поручения Петра во Франции. В некотором смысле он стал подлинно новым русским человеком, образцом поведения подданного, о котором мечтал Петр, фактически насильно побуждая россиян принять новый образ жизни, новую концепцию существования в изменившемся мире. Черты этого нового человека видны в истории жизни Зотова: он был образован, знал иностранные языки, хорошо разбирался в западноевропейском мире, идет ли речь о флотской жизни или придворной среде. Он легко освоился в этом, чуждом для многих русских, мире (не идеализируя его), сумел стать там своим, словом, Европа не была ему чужда. Вместе с тем, он оставался патриотом России, думал о том, как сделать ее европейской страной, перенести в нее самое лучшее, что видел в Европе. Зотов был отважным, смелым воином (отдать приказ экипажу своего корабля идти на abordаж шведского фрегата и захватить его — на такое способен только настоящий смельчак). Но главное — он был инициативным, творческим человеком, готовым рисковать ради выполнения данной ему задачи, предлагать царю неожиданные решения. Но тут возникало нечто новое, ранее невиданное в традиционном обществе России: европейское воспитание, поведение дворянина с устойчивыми понятиями личной чести и достоинства, приходило в противоречие с русской действительностью. Этим можно объяснить дерзкие поступки Зотова. Так, он резко возражал царю, который решил устроить шутовскую свадьбу престарелого отца Зотова, Никиты Моисеевича. Для Конона это было унижением чести семьи, его личной чести. Еще более дерзким было письмо Зотова царю 1720 г., в котором он обвинял Петра в самовластии, пренебрежении принятой ранее системой управления с Боярской думой. И хотя этот поступок сошел ему с рук, в нем выявилось глубокое противоречие русской жизни в последующее время. Оно выражено в порой кричащем несоответствии между свирепой диктатурой самодержавия и понятиями свободы, парламентаризма, уважения достоинства человека — словом, теми западноевропейскими ценностями, которые — по воле Петра — усвоили новые русские люди типа Зотова. Впоследствии это противоречие только обострилось.

Секция 3: Власть и общество России в период войн и революционных потрясений

Т. А. Абросимова. Дискуссии в РСДРП(б) (1917–1918 гг.)

В 2019 г. темой моего основного исследования стали дискуссии в РСДРП(б) в первый год советской власти. Эта тема соответствует общей проблеме: «Власть и общество в России XX века: источники, институты, механизмы коммуникации». Выбор темы исследования диктовался интересом к изучению наиболее острых вопросов, вызывавших противоречия в правящей партии, в первые годы советской власти.

Эта проблема чрезвычайно важна хотя бы для понимания как конкретно на практике определялся, утверждался и начал реализовываться выбор большевиков. Особенно интересно изучение внутривнутрипартийной борьбы при крутых стратегических или тактических поворотах в политической линии партии, обусловленных объективной действительностью. На материале внутривнутрипартийной жизни можно проанализировать противоречия в партии, внутривнутрипартийную борьбу, дискуссии, их причины и результаты. Подобный материал это важный исторический опыт.

Одним из острых спорных вопросов сразу после революции стал Брестский мир, вызвавший невероятный накал страстей в большевистском руководстве перед его подписанием. Казалось бы Брестский мир достаточно знакомый сюжет. Но работая с протоколами Петербургского Комитета РСДРП(б) за этот период, гораздо объёмнее удалось увидеть и показать проблему подписания Брестского мира.

ПК РСДРП(б) был достаточно радикален и всегда отличался своей самостоятельностью. В вопросе заключения мира он представлял серьёзную оппозицию ленинцам. Возможно, этим объясняется тот факт, что позиции ПК в работах исследователей, особенно в советское время, уделялось недостаточно внимания. Дискуссия в руководящих партийных органах между сторонниками В.И. Ленина и левыми коммунистами носила действительно драматический характер. Рассмотрение ситуации, связанной с подписанием Брестского мира и аналогичных ситуаций, в нашей истории достаточно. Исследование их через внутривнутрипартийную дискуссию чрезвычайно важно. Такой подход помогает не только лучше разобраться в ситуации, но и, преодолевая разногласия, решать спорные вопросы.

Б. Б. Дубенцов. Петербургский комитет РКП(б) и анкетирование коллективов в 1918 – 1920 гг.

Изучение данной проблемы выполняется в рамках перспективной темы «Власть и общество в России XX века: источники, институты, механизмы коммуникации».

После взятия власти большевиками Петроградская организация в декабре 1917 – январе 1918 г. РСДРП(б) подготовила анкеты, предназначенные для получения сведений о состоянии и деятельности партийных районных и первичных организаций (последние в первые годы Советской власти назывались коллективами, реже ячейками). Но пока не удалось обнаружить сведений, показывающих использование этих анкет.

Практическое проведение анкетирования коллективов было начато в апреле 1918 г. на конференции красноармейцев большевиков. Затем на протяжении этого года были разработаны и по заполнению собраны еще два вида анкет. В них запрашивались количественные данные о работавших на предприятиях и о составе партийных ячеек, о проведении собраний и о направлении членов партии на фронт и в продовольственные отряды. На протяжении 1918 г. в анкетах запрашивалась от ответственных организаторов информация о межпартийных отношениях на предприятиях.

В дальнейшем анкеты коллективов разрабатывались и использовались как Петербургским комитетом РКП(б), так и районными комитетами. Перечень требовавшихся статистических сведений оставался почти неизменным. Вместе с тем были введены рубрики, в которых следовало охарактеризовать настроение работавших и их отношение к партийному коллективу.

Содержащиеся в анкетах как статистическая, так и социально-политическая информация мало использовалась в литературе и заслуживает многоаспектной разработки.

Б. И. Колоницкий. Евгений Венский – автор петроградской «Маленькой газеты» (1914 – 1917)

В 2019 году я работал над несколькими темами, которые нашли отражение в моих

опубликованных статьях, в текстах, подготовленных к печати и в выступлениях на ряде конференций. Видимый тематический «разброс» определяется рядом факторов, в том числе и публикационной тактикой, определяемой существующей системой отчета и аттестации: статьи на разные сюжеты проще публиковать в рейтинговых журналах, а именно этого, насколько я понимаю, ждут вышестоящие органы от Института, а институтская администрация – от сотрудников.

Одно из направлений моих исследований – история начала гражданской войны. Другое направление – исследование 100-летнего юбилея революции (часть исследований выполнено в соавторстве с М.Г.Мацкевич). Для отчетного доклада я избрал текст, который я готовлю к печати. Он является частью моего долгосрочного исследовательского проекта, посвященного «Маленькой газете» (1914 – 1917) и сменившим его петроградским изданиям Алексея Алексеевича Суворина, которые выходили во время революции («Народная газета», «Русь», «Новая Русь»). Выбор этого издания для специального исследования объясняется той политической ролью, которую оно играло в 1917 году.

Пожалуй, наиболее известным автором этого издания был Евгений Венский (Евгений Осипович Пяткин) (1885 (1884 ст. ст.) – 1943), вошедший в историю российской литературы прежде всего как сатирик и пародист. При подготовки статьи я использовал публикации Е.Венского, различные издания 1917 года, воспоминания современников, а также материалы фонда Е.Венского, хранящиеся в архиве Международного Мемориала (Москва). Частью этого фонда являются копии следственных дел Е.Венского, который несколько раз арестовывался в советское время и умер в ссылке.

В «Маленькой газете» Е.Венский сотрудничал с самого начала, часто в номере было несколько его публикаций. Наряду со своим основным псевдонимом, став – Евгений Венский – Е.О.Пяткин использовал и иные – Франт с Плуталовой, Женья Фартовый и др. Наибольшее же значение и для «Маленькой газеты», и для творчества Евгения Венского имел жанр «раешника», которые он подписывал псевдонимом Евстафий (Евстафий Фролыч) Богоявленский. И как «Евсташку» запомнили Евгения Венского его политические враги. «Раешники» были ориентированы на простонародье столицы, а различные публикации Е.Венского служат важным источником и для реконструкции повседневности, и для изучения массового политического сознания. В его текстах и в его «почтовых ящиках» можно проследить и эйфорию, присущую раннему этапу революции, последовавшее разочарование в политике, и нарастание антиреволюционных настроений. В 1943 году следователь НКВД так характеризовал публикации писателя: «... в дни вооруженного восстания рабочих в Петрограде, работая в ряде реакционных издательств — журналах и газетах - «Кузькина мать», «Маленькая газета» и др., вел непримиримую борьбу с большевиками, а также возводил клевету на В.И.ЛЕНИНА». Такая характеристика вряд ли является точной и полной, однако нельзя не признать, что Е.Венский действительно был непримиримым противником большевиков и их лидера, вовсе не случайно, что он активно участвовал в качестве пропагандиста в гражданской войны на стороне белых.

Следователь НКВД не упомянул о другом: и Е.Венский, и другие авторы «Маленькой газеты», боровшиеся с большевиками, в то же время атаковали и Временное правительство, прежде всего А.Ф.Керенского. Неудивительно, что издания А.А.Суворина закрывались властями, что не мешало им выходить под иными названиями. Публикации Е.Венского и других авторов, сотрудничавших в популярных изданиях А.А.Суворина, позволяют лучше понять ту изоляцию, в которой оказался глава Временного правительства осенью 1917 году.

Н. В. Михайлов. Власть, собственность и пространство частной жизни петербургского пригорода, конец XIX – начало XXI в. (На примере Лахты и Ольгино)

Лахта и Ольгино – исторические поселения на территории современного Санкт-Петербурга, сохранившие историческую планировку и традиционный характер организации пространства частной жизни, основным типом которого здесь на протяжении столетий было домовладение – отдельно стоящий жилой дом на относительно небольшом участке земли, приспособленный для проживания, как правило, одной семьи.

Роль государства в регулировании пространства частной жизни была значительной: от определения форм собственности, правил приобретения, наследования и отчуждения до строительного надзора. Определенное влияние оказывали органы местного самоуправления: крестьянская община и поселковый совет в прошлом, муниципальный совет в настоящем.

Тем не менее, домовладелец пригородного поселения всегда пользовался большей свободой и имел больше возможностей для организации пространства частной жизни, чем житель многоквартирного дома. Причем способы организации домовладения определялись не только материальными возможностями, но и представлениями домовладельца об эстетических, потребительских, социальных и других качествах формируемой среды.

Для историка открывается возможность выявления представлений жителей пригорода о качествах пространства частной жизни, об их социальных установках, эстетических предпочтениях и эмоциональных реакциях на меняющуюся реальность.

Зримое выражение границ пространства частной жизни – забор. Традиционный лахта-ольгинский забор – невысокий деревянный штакетник – просуществовал как минимум столетие. Государственное или муниципальное регулирование не прослеживается. Ни политические потрясения, ни изменения форм собственности вплоть до конца 1980-х гг. не изменили облика поселкового забора.

Только революционные изменения рубежа 1980-1990-х гг. сломали вековую традицию лахта-ольгинского заборостроения. С тех пор в создании границ пространства частной жизни неуклонно возрастает роль непрозрачного глухого забора, решительно меняющего традиционный облик пригородного поселения.

Главная социальная установка – скрыть частную жизнь от посторонних глаз. Разнообразие форм, материалов, цветовых и архитектурных решений – свидетельство свободы самовыражения и освобождения от традиционных социальных установок.

Источники: Исторические планы, фотографии, воспоминания, интервью, собственные наблюдения автора.

Доклад в форме презентации

П. Г. Рогозний. Православная Церковь в годы революционных потрясений

1. В начале революции Православная Церковь получила видимую свободу, смогла созвать Поместный Собор и избрать патриарха.
2. В годы революции Церковь из первенствующей идеологической силы, превратилась в организацию, которая была лишена даже права юридического лица. Все население Российской Империи было связано с религиозными организациями, несмотря на собственную веру или безверие.
3. Единственный раз в истории Церковь объявила анафему действующей власти. В тексте самой анафемы большевики не упоминались, но говорилось о новых властях.
4. Значительную роль в общественной борьбе в годы революции внутри Церкви сыграли так называемые «церковные большевики». Это ряд клириков и мирян, настроенных радикально и даже революционно.
5. Если в годы Гражданской войны церковную организацию новые власти сумели разложить, но, столкнувшись с народной религиозностью, вынуждены были отступить.
6. Антирелигиозная пропаганда началась после победы новых властей в Гражданской войне. В период войны в громадном большинстве случаев, новые власти использовали антиклерикальную пропаганду, которая встречала массовый отклик в крестьянской среде.
7. Антиклерикальная и антицерковная пропаганда была успешна, так как поддерживалась значительной частью населения. Церковь была дискредитирована связью с бывшей властью. Попытки разыграть «церковную карту» в Гражданской войне (так называемые крестоносные полки в армии Колчака), были провальными.

Н. Н. Смирнов. Гражданская война как апогей общественного движения в России в начале XX века

Общая характеристика общественного движения в России в конце XIX – начале XX вв.; общественное движение как движение народных масс, социальных групп, преследующих социальные, политические, национальные и иные полезные цели. Характеристика консервативного, либерального и революционного направлений общественного движения.

Диспропорции и противоречия в российском обществе – отсутствие гражданского общества, нежелание императора делиться властью, отсутствие единой общенациональной идеологии – как факторы революционизации общественного движения.

Три этапа в развитии общественного движения в России: конец XIX в. – 1907 г.; 1907 – 1917 гг.; 1917 – 1922 гг.; основные достижения каждого этапа.

Складывание общественно-политического движения в России как массового, добровольного формирования, созданного по инициативе людей снизу, стремящегося не к завоеванию власти, а к воздействию на власть в нужном направлении (социальном, экономическом, политическом, культурном, национальном). Общественно-политическое движение имеет широкую, пеструю социальную базу; независимо от своего лидера и его популярности.

Фактор войны в изменении общественных настроений и формировании революционных ситуаций в 1905 и 1917 гг. Складывание общенационального кризиса накануне революции 1917 г.

Народ как фактор кризиса либерального направления в общественно-политическом движении в феврале – октябре 1917 г.

Преодоление общественно-политического кризиса в годы Гражданской войны в России (1917 – 1922) как фактор успеха радикального крыла российской социал-демократии. Сохранение раскола в общественном сознании граждан советского государства.

К. А. Тарасов. Власть в армии в Революцию 1917 г.

В рамках общей темы, касающейся вопросов взаимоотношений власти и общества в период революционных потрясений, в течение отчетного периода выполнялась работа над проблемой роли армии в период Революции 1917 года. Данная проблема требует выхода из жестких хронологических рамок, которые традиционно ограничивались февралем-октябрем 1917 года. Естественно в этой связи обращаться к периоду Первой мировой войны: взаимоотношения рядового состава и офицерства, офицеров между собой, воинских частей и представителей власти. Во всех случаях наблюдается рост конфликтности к началу 1917 года. Апробацию данное исследование прошло в рамках двух международных конференций («П. И. Назимов. Биография семеновца-изгоя», Насилие в Русской императорской армии в период Первой мировой войны») и одной опубликованной статьи «Анатомия солдатского бунта. Выступление солдат 181-го пехотного запасного полка в октябре 1916 года».

Особое внимание в отчетный период уделялось тем же сюжетам, связанным с событиями первого полугодия 1917 года. Во-первых, сделана попытка проанализировать значение военного фактора в Февральском восстании в Петрограде. В данном случае внимание было сосредоточено на поведении военнослужащих в первые часы восстания (доклад «Запасный батальон Московского полка в Февральской революции»), а также попытках Временного комитета Государственной думы и Исполнительного комитета Петроградского Совета взять под свой контроль это движение (доклады «Создание Военной комиссии при Временном комитете Государственной думы по воспоминаниям» и доклад на английском языке «Социальные и политические причины появления Приказа №1»). Во-вторых, начат анализ мероприятий временной власти по регулированию взаимоотношений в армии в русле эксперимента «демократизации». Этот процесс характеризовался конкуренцией различных акторов, претендовавших на лидерство в этом вопросе (статьи «В.Д. Плетнев и Союз "Родина и Народная армия". Последняя попытка Временного правительства завоевать Петроградский гарнизон» и «Совещание при главнокомандующем Петроградского военного округа в 1917 г.: Из истории борьбы за власть над армией», «"Демократизация" офицерского состава Петроградского гарнизона в 1917 г.»).

Если в течение 1917 года скорее можно говорить о конкуренции за власть над армией, то после Октябрьского переворота эти конфликты перерастают в открытое, иногда вооруженное противостояние. В связи с этой проблемой в отчетный период начата работа над изучением антибольшевистского подполья, ставившего своей задачей организацию вооруженного восстания в Петрограде в начале 1918 года. Часть указанных организаций пыталась использовать для своих целей старые полки Петроградского гарнизона, играя на их недовольстве перспективой демобилизации (статья «"Все, кто против большевиков, — с нами": деятельность организации Шульгина-Филоненко в Петрограде (январь — март 1918 г.)»). Другие стремились, создавая новые полки Красной армии, сделать их опорой для возможного переворота (Доклад «Между Блейхманом и Шварцем. Дискуссии о формах строительства Красной армии в Петрограде, январь-июнь 1918 г.» и «"Организация-редиска: внешне красная, а внутри белая". Штаб Северного участка завесы и антибольшевистское подполье Петрограда в 1918 году»). Наконец, третьи ориентировались на помощь Германии или стран Антанты в свержении советской власти (доклад «Попытки антибольшевистского подполья организовать восстание в Петрограде в 1918 году» и статья «Военные заговоры, настоящие и мнимые. Деятельность антибольшевистского подполья по организации вооруженного восстания в Петрограде, март-июнь 1918 г.»).

Последним эпизодом, напрямую связанным с изучаемой проблематикой, является судьба запасного батальона Семеновского полка, который единственный из всех не был демобилизован в 1918 году. Здесь авторитет офицеров, сложившийся еще в годы Первой мировой войны и не упавший за время революции, обеспечил сохранение боеспособности воинской части весь последующий период. В конечном итоге эта воинская часть, переформированная в полк Красной армии, в начале 1919 года во главе со своими офицерами перешла на сторону белых (статья «"Семеновцы — это честные белогвардейцы". Как бывший Семеновский полк переметнулся от красных к белым).

В.В. Лапин. Формирование отечественного военного пантеона. Дореволюционные, советские и постсоветские коммеморативные практики.

Национальная история в целом — героизация, обожествление собственного исторического, и в том числе, военного опыта. Великие люди каждой нации и государства — божества, местные святые. Известно, что имена героев, названия мест, где происходили судьбоносные для страны или нации сражения, обычно составляют знаковый, символический ряд, который обозначает контуры картины прошлого в том виде, в каком его воспринимает массовое историческое сознание. Этот список имен и топонимов образует к тому же более или менее стройный иерархический ряд, в котором позиции меняются в зависимости от политической и социокультурной ситуации.

Коммеморативный процесс в России удобно делить на три периода — имперский, советский и постсоветский, границы между которыми проходят по глубоким политическим изломам 1917 и 1991 гг. Каждый из этих периодов отличается особыми условиями для актуализации событий прошлого, для использования этих событий в политических дискуссиях, для корректировки или даже радикального редактирования представлений о прошлом. Но сохранялось и много общего: формирование образа великой державы, обоснование прав на территории, вошедшие в ее состав, комплиментарная оценка отечественного исторического опыта, преемственность акторов коммеморации, использование античных, библейских и фольклорных сюжетов.

Секция 4: История советской эпохи

А. И. Богомолов. «Транзитные пассажиры» — почему их никто не запомнил?

1. Поводом для постановки этого вопроса стала недавняя публикация дневников и воспоминаний одного из современников революционных событий 1905 г., акцизного

чиновника К.Н.Теплоухова. В своих дневниковых записях о еврейском погроме в Челябинске в октябре 1905 г. этот очевидец упоминает, что осенью 1905 г. подобные беспорядки были заметным, но не единственным случаем. При этом значительную роль в создании криминогенной обстановки в городе и его окрестностях сыграли нижние чины из транзитных воинских эшелонов, проходивших по Транссибирской железнодорожной магистрали из Европейской России к театру военных действий русско-японской войны (по завершении военных действий - в обратном направлении). Мобилизованные резервисты, отвыкшие от армейской дисциплины и не имевшие «в транзитном состоянии» надлежащего контроля со стороны командования, во время остановок поездов прилагали все усилия для нелегального приобретения алкоголя, легко прибегали к насилию и, как правило, оставались безнаказанными. Местная администрация по маршруту следования поездов не имела достаточно сил для противодействия этому, а органы правопорядка не успевали отреагировать.

2. Рассмотрение деталей одного конкретного случая (в статье «О расследовании еврейского погрома в Челябинске (октябрь 1905 г.)») показало, что версия о «транзитных пассажирах» имеет право на существование: во время упоминаемых событий в окрестностях города и железнодорожной станции находились транзитные воинские эшелоны, вынужденно прекратившие движение с началом Всеобщей октябрьской стачки 1905 г.; как собственное командование, так и местная полиция не обладали достаточными силами для удержания нижних чинов под контролем; по крайней мере некоторые очевидцы подтверждают участие групп нижних чинов в разграблении винных лавок, торговых заведений и жилых домов в кварталах города, ближайших к железнодорожной станции; именно в окрестностях станции погромщики разбежались, когда наконец получили отпор. В сообщениях печати (опиравшейся на материалы судебного процесса над теми участниками погрома, которых все же удалось задержать) об этой группе участников беспорядков даже не упоминается. Причиной такого умолчания следует считать то, что органы правопорядка среагировали на происшествие крайне медленно, так что задержать им удалось только местных жителей.
3. В ходе просмотра литературы удалось найти воспоминания военного юриста, в 1904-1905 гг. расследовавшего правонарушения военнослужащих в центральных губерниях. Его наблюдения подтверждают гипотезу об обострении криминогенной обстановки в среде военнослужащих в период русско-японской войны, вызванной мобилизацией большого числа резервистов, в т.ч. связанных с профессиональным преступным сообществом, нехваткой квалифицированного командного состава, практикой отправки воинских сил к театру военных действий «россыпью», а не сложившимися частями и подразделениями.
4. Волна массовых беспорядков, напоминающая «октябрьскую» по своему размаху, составу участников, образу их действий и общей картине происходящего, прокатилась по империи летом 1914 и 1915 гг., совпадая по времени с массовой мобилизацией призывников и резервистов. Следующая волна беспорядков вдоль линии железных дорог империи пришлась на весну 1917 г. и совпадала по времени с прохождением эшелонов демобилизованных и дезертиров, возвращающихся с фронта. Как правило, эта последняя волна интерпретируется в историографии как проявление революционных выступлений 1917 г.
5. В ходе дальнейшего исследования планируется, во-первых, уточнить версию о еще одной группе участников и инициаторов массовых беспорядков в России 1905-1917 гг.; во-вторых, ответить на вопрос, по какой причине эта группа оказалась замечена очевидцами, но практически не была отражена в судебно-следственных материалах и газетных публикациях изучаемого периода, как и в воспоминаниях истпарта и исследованиях советского периода.

6. Расхождения в интерпретации, выявленные при рассмотрении этих двух групп источников, свидетельствуют о заметном влиянии, оказанном на восприятие и трактовку событий уже сложившимся в тогдашней печати политизированным «канонам» – рамками интерпретации, задававшими тон общественному обсуждению беспорядков еще до выяснения деталей происходящего. Наблюдаемые эпизоды, замеченные очевидцами, но не вписывавшиеся в эти рамки, остались за пределами рассмотрения прессы, ориентировавшейся на уже имевшиеся образцы истолкования.

Общие наблюдения, сделанные в процессе подготовки статей, приводят к постановке вопроса о форме и последствиях взаимодействия индивидуальной памяти современников и очевидцев с нормативами и образцами истолкования институализированной «культурной памяти» общества и социальных групп. Последние, задавая рамки восприятия и смысловое содержание событийного ряда, тем самым косвенно, а зачастую и прямо воздействовали на освещение событий прошлого, на их интерпретацию современниками и потомками и, в конечном счете, на историческое повествование.

В. И. Мусаев. Исследование по алфавитным преобразованиям в рамках советской национальной политики в 1920-е – 1930-е годы

В рамках исследования была поставлена задача рассмотреть действия советского руководства в области преобразования алфавитов национальных языков как составную часть этнополитики в СССР в 1920–1930-е гг. Делается вывод, что алфавитная латинизация, пик которой пришелся на начало 1930-х гг., была связана с социальной стороной национальной политики: создание новых алфавитов служило задачам социалистического строительства, интернационального воспитания и преодоления «пережитков прошлого». Это явствует, в частности, из слов активного проponentа латинизации, лингвиста Н. Ф. Яковлева, специалиста по кавказским языкам, который утверждал, что «русский гражданский алфавит в его истории является алфавитом самодержавного гнета, миссионерской пропаганды, великорусского национал-шовинизма, что в особенности проявляется в русификаторской роли этого алфавита по отношению к национальным меньшинствам бывшей Российской империи». Последние усматривались, в частности, в использовании в языках народов Кавказа, Поволжья и Средней Азии, традиционно исповедовавших ислам, письменности на основе арабской графики. Здесь просматриваются параллели с реформой турецкого алфавита, осуществленной в этот же период, в 1928 г., в ставшей республиканской Турции по инициативе М. Кемаля Ататюрка: перевод турецкий письменности с арабской на латинскую графику символизировал национальный и светский характер обновленного Турецкого государства. Движение за латинизацию имело место и в ряде других стран и регионов Азии и Ближнего Востока, но дальше проектов в этих случаях дело не пошло.

Новые алфавиты для бесписьменных в прошлом языков бывшей Российской империи также формировались на базе латинского шрифта. В начале 1930-х гг. предпринимались меры по созданию на основе латинской графики алфавитов для малочисленных коренных народов Европейского Севера и Сибири, переводу на латиницу кириллических алфавитов поволжских и приуральских народов финской группы и чувашей (в случае с чувашским и удмуртским алфавитом, впрочем, это так и не было сделано) и даже латинизации китайской и корейской иероглифической письменности. Всего в начале 1930-х гг. было латинизировано 66 национальных алфавитов и еще несколько находились в стадии разработки. Имелся даже замысел латинизировать даже русский алфавит, однако подобные намерения встретили серьезные возражения и не были реализованы.

Сворачивание латинизации и противоположная тенденция к замене латинского шрифта алфавитов национальных языков на кириллический с середины 1930-х гг. имели связь с пересмотром общих положений национальной политики, в первую очередь с отказом от основных принципов т.н. коренизации. В этом также проявилась начавшаяся в этот же период частичная реабилитация исторической роли русской культуры и выдвижение русского народа на позиции «первого среди равных» среди народов СССР. Еще одним фактором, способствовавшим пересмотру основных начал алфавитной политики, был

окончательный отказ от курса на мировую революцию и закрепление задачи построения социализма в одной стране, в связи с чем вопрос об умении пользоваться латинским алфавитом был уже не столь актуальным. К началу 1940-х гг. процесс перевода алфавитов национальных языков на кириллическую основу был в основном завершен. При этом 11 малых народов Севера и Сибири, для которых в конце 1920-х – начале 1930-х гг. была создана письменность, снова оказались лишены её. Более того, было почти свернуто использование письменных языков европейских «диаспор», традиционно использовавших латинский алфавит. Новый этап латинизации на постсоветском пространстве начался уже после распада СССР.

Б. Н. Ковалев. Начальный период гитлеровской оккупации города Старая Русса

Научная работа над выявлением, описанием и исследованием фактов, явлений и процессов в истории Новгорода и Новгородской земли обуславливает не только большое количество открытий и находок, но и постоянное введение их в научный оборот.

Особое место в ней занимает всестороннее исследование нацистского оккупационного режим на Новгородской земле в годы Великой Отечественной войны, сопротивление завоевателям, коллаборационизм местного населения, стратегии выживания в условиях оккупации.

Изучение данного вопроса позволяет дать полный ответ о безвозвратных потерях, понесенных Великим Новгородом в годы Великой Отечественной войны, выяснить судьбу похищенных культурных ценностей.

Поскольку ряд преступлений оккупантов и их союзников не имеют срока давности, требуется установить имена, как всех преступников, так и их жертв.

В процессе работы в государственных и ведомственных архивах были выявлены новые документы, относящиеся к этому периоду. Донесения советской агентуры – это важный источник по реалиям оккупации.

Старая Русса находилась под гитлеровской оккупацией с августа 1941 по февраль 1944 года. Новым источником по изучению истории этого трагического периода в жизни города являются документы органов государственной безопасности. Свидетельства советских разведчиков давали достаточно объективную картину сложившейся тогда ситуации: проблемы, связанные с эвакуацией, немецкие репрессии против мирного населения, создание коллаборационистских органов управления. Эти показания дополняются воспоминаниями немецких военнослужащих, а также послевоенными советскими документами.

В первой декаде июля 1941 г. учреждения и предприятия города начали подготовку дел и имущества к эвакуации, а 12 июля среди мирного населения началась настоящая паника.

К основным недочётам эвакуации можно отнести явную недостаточность железнодорожного транспорта, а также отсутствие у руководства представления: в сторону каких населенных пунктов вывозить население. При этом назывались самые близлежащие точки.

После ожесточенных боев Красная армия 9 августа 1941 г. оставила Старую Руссу. Нацисты установили в городе жестокий карательный режим. Во многом он был связан с активным сопротивлением в первые дни оккупации.

74 гитлеровца были убиты или тяжело ранены, когда зашли в заминированный дом. Немецкий офицер вспоминал: «Какая-то фанатичка сначала спокойно наблюдала за тем, как ребята заходили внутрь, а затем совершила это массовое убийство. Когда ее схватили, она, даже не дрогнув, созналась в преступлении и по закону военного времени была расстреляна на месте».

Установить фамилию девушки-агента по документам советских органов государственной безопасности на сегодняшний день (2019 год) пока не удалось.

Экстремальные условия порождали резкое усиление религиозных настроений. Население, во многом потерявшее веру, как в советскую власть, так и в самих себя, пошло в церкви, открытые немцами.

Работавшие во время советской власти сторожами и пастухами бывшие священники вновь стали возвращаться в храмы. Советская агентура на оккупированной территории по-прежнему воспринимала любого священнослужителя как потенциального врага. К открытию церкви сотрудники НКВД относились крайне отрицательно.

Оставшееся в своих домах население города в обязательном порядке должно было выходить на различные физические работы, например, для выгрузки из реки леса и дров.

Но не все горожане испытывали на себе все тяжести войны и оккупации. Кто-то этим положением воспользовался в своих корыстных целях. В первую очередь это были местные коллаборационисты. Начался процесс «приватизации», в котором самое активное участие приняли сотрудники «новой русской администрации» и их ближайшее окружение.

И все это было лишь самым началом нацистской оккупации. От ее последствий город и район так никогда и не оправались. Если в 1941 году здесь проживало более 127000 человек, то на начало 1944 оставалось лишь 8000.

Д. Ю. Асташкин. Эвакуация ленинградских детей на Новгородскую землю в 1941 г.

До недавнего времени неудачную эвакуацию ленинградских детей летом 1941 года историки обходили стороной, мало знало о ней и общество. С 2000-х годов появился общественный и журналистский интерес к теме, ее символом стал обстрел ленинградских детей на станции Лычково. Одновременно с тем, из-за отсутствия научной базы, стали множиться мифы, не подтвержденные источниками (вплоть до тайных захоронений тысяч ленинградских детей). Лишь сравнительно недавно появились исследования (Л.Л. Газиева и др.), основанные на анализе документов гороно, дневников, воспоминаний. Опираясь на новые источники (эго-документы и др.), выявленные в Санкт-Петербургских и Новгородских архивах, мы попытались реконструировать события лета 1941 года.

В июне–июле 1941 г. более 160 тыс. детей из Ленинграда были эвакуированы в Ленинградскую область (новгородские районы) – место их традиционного летнего отдыха, но фактически они попали в хаос войны, под вражеские обстрелы. Большинство детей было уже в августе 1941 г. реэвакуировано (властями и родителями) в Ленинград, который все плотнее блокировали немецко-финские войска. Некоторых детей успели отправить из восточных районов Ленинградской области в другие области (Ярославскую, Кировскую). По разным подсчетам, при эвакуации в Ленобласть было потеряно от 40000 до 81426 детей. Кто-то из них стал беженцем без документов, кто-то погиб под обстрелами.

Эвакуация из города, стартовавшая 29 июня, осуществлялась согласно довоенным планам, разработанным на случай угрозы Ленинграду со стороны Финляндии. Южные районы Ленинградской области (тогда она включала в себя и нынешнюю Новгородчину) считались наиболее безопасными. Если отправлять детей куда-то дальше - можно было получить обвинение в паникерстве и неверии в силу Красной армии.

История эвакуации ленинградских детей неразрывно связана с трагической хроникой оккупации Ленинградской области в 1941–1944 гг. Поэтому перспективным направлением исследования является установление судеб ленинградских детей и педагогов на оккупированной земле. Для подобного поиска следов ленинградцев в Ленобласти важно сопоставить немецкие источники с российскими (Санкт-Петербургскими, Новгородскими, Псковскими).

А. И. Рупасов. Адвокатура Ленинграда в период блокады

1. Ленинградский городской суд летом-осенью 1941 г. проводил «срочную разгрузку от дел», что одним из следствий имело ограничение конституционных прав граждан на защиту.
2. Эти ограничения приняли характер массового отказа адвокатам от участия в судебных процессах, в том числе в кассационных инстанциях. Адвокаты лишались права написания надзорных жалоб на определения и приговоры суда. Только в некоторых частных случаях Президиуму Коллегии адвокатов удавалось добиваться разрешения главы городского суда на участие в процессе. Кроме того, помимо ордера

консультации суды стали требовать наличие письменного заявления подсудимого о желании иметь конкретного адвоката, что в случае содержания подсудимого в тюрьме в условиях военного времени становилось практически невозможным.

3. Изменения в деятельности юридических консультаций и работе адвокатов:

- Резкое сокращение консультаций по гражданским делам в 1941-1942 гг. и почти полное по уголовным. Как следствие - резкое падение размеров и количества гонораров адвокатов.
- Сокращение числа штатных юридических консультаций и количества адвокатов (более чем вдвое к осени 1941 г.), открытие временных консультаций в госпиталях.
- С конца 1942 г. намечается рост количества дел, по которым предоставлялись юридические консультации. В отличие от начального периода войны, адвокаты стали чаще допускаться к участию в судебном процессе, при этом наметилось явное преобладание в их судебной практике уголовных, а не гражданских дел (соотношение 1:20).

К.А. Болдовский. Система государственного управления в СССР в 1940-е –1950-е годы: основные проблемы

Основным направлением исследовательской работы в 2019 г. было изучение одного из аспектов политической истории СССР, а именно – системы государственного управления в 1940-1950-е гг. Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что т.н. «сталинская система управления» окончательно сформировалась в последние предвоенные годы (1939-1940 гг.) и начала быстро трансформироваться сразу после его смерти (1953 г.).

Основные проблемы, изучаемые в рамках общего направления:

- соотношение типичных характеристик системы управления и тех изменений, которые были обусловлены внешними или чрезвычайными вызовами (военными действиями, изменением международной обстановки (началом «холодной войны», голодом 1946-1947 гг. и др.);
- способность управленческого партийно-государственного аппарата изменять цели, приоритеты и практики работы, в зависимости от внешних обстоятельств, особенно в случаях, когда внешние вызовы меняются быстро;
- формы реакции властных структур на внутренние противоречия, возникавшие как в системе отношений «власть-общество», так и внутри самого управленческого аппарата;
- процессы формирования элитных групп в партийно-государственном аппарате.

Управленческий аппарат ленинградского региона и его деятельность в 1940-начале 1950-х годов характеризовались следующим: относительной стабильностью кадрового состава в период с конца 1930-х годов и вплоть до начала кадровых чисток в 1949 г; уникальным для СССР опытом управления регионом в условиях блокады и оторванности от центра, что привело к образованию региональной системы власти и управления.

В первый период блокады (июнь 1941-весна 1942 гг.) в Ленинграде отчетливо проявились недостатки, свойственные в целом сталинской централизованной системе управления: недостаток оперативности в реакции на возникавшие вызовы; отсутствие стратегического предвидения возможных угроз и планирования необходимых действий по их предотвращению; недостаток самостоятельности при принятии решений, вызванный необходимостью многочисленных согласований с центральными органами власти; недостаток инициативы и ответственности при осуществлении необходимых действий, постоянный расчет на помощь центра.

В последующие периоды блокады региональные власти оказались перед необходимостью перестройки принципов управления, чего они стремились достичь, начиная с весны 1942 г. Такая перестройка, удавшаяся во многих сферах, привела к формированию устойчивой региональной системы управления, способной разрабатывать и реализовывать собственные программы действий, при существенно сниженном влиянии центра.

Региональная управленческая структура сохранила жестко централизованный характер, свойственный общесоюзной системе, перенеся ее образ действий на местный уровень. Характерными чертами этой региональной системы были:

приоритет власти узкого круга региональных партийных руководителей, группы членов бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б) (6-7 человек);

руководящая роль местного партаппарата, который стремился контролировать деятельность всех структур региона: советских органов, предприятий, учреждений и организаций центрального подчинения, местных подразделений правоохранительных органов и спецслужб, тыловых военных подразделений (через Военные советы Ленинградского фронта и КБФ);

жесткие мобилизационные практики управления, противодействие попыткам самоорганизации на низовом уровне.

В первые послевоенные годы (1945-1948) региональные лидеры пытались укрепить сложившуюся в период блокады структуру управления и расширить собственную сферу влияния (контроль над деятельностью предприятий министерского подчинения, управлениями МВД и МГБ, другими структурами).

А.А. Кузнецов, заняв в 1946 г. посты секретаря и начальника Управления кадров ЦК ВКП(б) в своей деятельности стремился к решению следующих задач:

укрепление роли партийного аппарата в системе власти и управления страны;

противодействие нараставшим за годы войны тенденциям зависимости местных партийных лидеров от хозяйственных руководителей (т.н. «сращивание»);

повышение общего образовательного и политического уровня кадров партаппарата;

достижение полной власти и ответственности региональных партийных руководителей над деятельностью всех местных государственных структур и предприятий;

контроль со стороны аппарата ЦК ВКП(б) над деятельностью центральных министерств и ведомств.

Деятельность Кузнецова отвечала ожиданиям широкого слоя работников партаппарата среднего звена, но входила в противоречие со сложившейся системой монопольной власти И.В. Сталина и немногочисленных представителей его ближайшего окружения. Это противоречие привело сначала к конфликтам, а затем и к кадровым чисткам, вошедшим в историографию под названием «ленинградского дела».

К завершению изучаемого периода среди кадрового состава региональных партийных органов среднего звена сформировалось осознание возможности самостоятельного осуществления власти в рамках предоставленных полномочий, без постоянного контроля каждого мероприятия со стороны центра. Вместе с тем, основным стимулом деятельности местных руководителей было желание сохранить собственные властные полномочия, а не политические цели, что показывает как степень их вовлеченности в различные централизованные кампании, так и быстрота в изменении позиций после смерти И.В. Сталина.

Ф.К. Ярмолич. «Воспитание «нового человека» во время досуга (на материалах Ленинграда 1950 – 1960 гг.)»

Неотъемлемой частью создаваемой в Советском Союзе новой экономической, социальной и политической системы выступал «новый человек», для формирования которого в 1950 – 1960-е гг. сложились наиболее оптимальные условия.

С одной стороны, в это время в советском обществе пока еще не получили широкого распространения нигилистические идеи, сохранялась вера в возможность построения коммунистического общества, с другой стороны, демократизация политического режима, улучшение экономического положения страны создавали условия для осуществления воспитательных мероприятий, направленных на создание «нового человека».

Поскольку значительную часть бюджета времени советского горожанина в 1950 – 1960-е гг. составляло вне рабочее время, объемы которого на протяжении 1960-х гг. возрастали, то

изучение досуга позволит понять механизм формирования «нового человека» через систему культурно-просветительных учреждений.

Актуальность и важность для советской власти воспитательных мероприятий, направленных на создание советской идентичности, демонстрируется не только значительным объемом разнообразных форм и методов работы с человеком, но и тем, что на рубеже 1950 – 1960-х гг. изменяется представление о городской планировке. Одним из системообразующих центров городского пространства становятся учреждения культуры. Вокруг них выстраивается селитебная структура микрорайона, жилого и административного районов.

В процесс воспитания «нового человека» были включены не только учреждения культуры, соответствующая работа проводилась школами, профессиональными и высшими учебными заведениями, партийными организациями и т.д., но их инструментарий оказался не столь разнообразен, как у культурно-просветительных организаций, и на протяжении 1950 – 1960-х гг. практически не изменялся.

В меньшей степени указанный недостаток был характерен для домов и дворцов культуры, театров, музеев и т.д. Материалы Ленинграда дают возможность проследить как с течением времени появлялись новые формы работы с человеком, что на это влияло, определить, в какой степени власти могли удовлетворять изменяющиеся запросы населения.

Е.Д. Твердюкова. Исследование мотивации потребителей в СССР в 1960-е гг.

Общеизвестно, что характерными чертами советской экономики были дефицит, плохое качество товаров, дисбаланс между спросом и ассортиментом выпускаемой продукции. В основе этих утверждений лежат идеи, согласно которым государство, выступая организатором труда и производства, не предоставляет потребителю выбора, формирует принудительное потребление. Подобные схемы игнорируют данные о психологических и культурных факторах поведения советских покупателей.

Созданный в 1965 г. Всесоюзный научный институт по изучению спроса населения на товары народного потребления и конъюнктуры торговли (ВНИИКС) стал центром анализа мотивации потребителей. Не ограничиваясь количественной оценкой масштабов и структуры спроса, научные сотрудники института обоснованно полагали, что информация о потребительских оценках и механизме их формирования позволяет не только правильно подобрать ассортимент, ориентировать промышленность на выпуск продукции и модернизацию производства, но и целенаправленно формировать спрос на товары.

Изучение документов Российского государственного архива экономики и опубликованных в 1960-е гг. результатов исследовательских проектов ВНИИКС (аналитических сводок по итогам опросов, анкетирования, интервью, наблюдений) позволило получить представление о мотивации советских покупательниц при выборе ряда товаров и опровергнуть мнение, согласно которому изучение потребительского поведения граждан, реклама и продвижение товаров считались в СССР бесперспективными и идеологически чуждыми для плановой экономики. Сотрудники ВНИИКС изучали потребительское поведение населения не только с учетом его социально-экономических и демографических характеристик (доход, занятия, место жительства, пол, возраст и пр.), но и ценностных установок (стремление «следовать моде», «быть не хуже других», «обрести свой стиль», «пополнить сезонный гардероб» и пр.). На этой основе прорабатывались психологические составляющие рекламных кампаний советской торговли. Специалисты ВНИИКС формулировали также конкретные рекомендации для предприятий, но производственные мощности и сырьевые ресурсы легкой и пищевой промышленности не позволяли в полном объеме удовлетворять заказы торговых организаций.

Секция 5: Проблемы истории Европы и Америки

Д.В. Кейер. Публикация текста латинской надписи на стилосе из Лондона.

В 2010-2014 гг. сотрудники Музея Лондонской Археологии проводили раскопки на месте европейской штаб-квартиры медиа-гиганта. В илистом дне бывшей реки Уолбрук им удалось найти множество хорошо сохранившихся античных воощенных табличек для письма и стилосов. Воск на табличках не сохранился, но на многих табличках острие стила процарапало древесину через воск, благодаря чему сохранился текст. Корпус табличек был издан ведущим специалистом по римской Британии Роджером Томлином в 2016 г. Публикация стилосов еще готовится, но в 2018 г. в научно-популярном издании Томлин опубликовал заметку об одном железном стилосе, на четырех сторонах которого сохранилась длинная надпись, выбитая пунктиром очень маленькими буквами (2 мм. высотой). Летом 2019 стилос попал на выставку в «Ashmolean Museum» и стал интернет-мемом, получив широкое распространение в СМИ и в социальных сетях (с ретушированным фото и переводом Р. Томлина). Внимание общественности к стилосу объясняется тем, что автор надписи сетует на недостаток средств, извиняясь за скромность подарка.

Мне удалось связаться с Томлином по электронной почте и получить разрешение на использование его прорисовки в своей публикации. На основании прорисовки мне удалось предложить другую интерпретацию надписи. Мои уточнения касаются метрической трактовки, interpункции и восстановления отдельных слов (прежде всего в третьей и четвертой строках). Томлин объяснял надпись как четыре ямбических сенария (шестистопных ямба). Моя трактовка предполагает, что первые две строки и первое слово третьей строки – действительно два сенария, но остаток надписи представляет собой элегический дистих. При этом в последней строке я дополняю две буквы и одну букву идентифицирую иначе, чем Томлин. Мне кажется, что в отличие от Томлина мне удалось предложить чтение, удовлетворительное с точки зрения латинского языка.

А.К. Гаврилов. Между сборником статей и монографическим исследованием

В 2019 мне довелось вместо обычных для меня статей или редактирования коллективных трудов (в настоящее время это окончание работ по *Словарю петербургских антиковедов*) срочно готовить к печати издание собственного труда: *Исследования по древнегреческой эпиграфике Северного Причерноморья*. 17 а.л. В основу были положены публикации на северно-причерноморскую тему, которые печатались мною в последние три десятилетия, шесть из них по-немецки, так как они предназначались для международного журнала по классической филологии (*Hyperboreus*). Пафос планируемого издания – объединение этого материала не только под одной обложкой, но и внутренне, пришлось начать с того, чтобы перевести немецкие работы на русский язык, что оказалось, конечно, хлопотно, потому что работать приходится и над родной речью, и как раз это полезно как для нас, так и для нее. Однако для феноменологии научного знания это акциденция, а я в ходе этой работы озаботился вопросом, в чем существенные признаки, отличающие *сборник статей* от *монографии*.

Полного тематического единства в причерноморской *серии статей* у меня не было, зато само собой легко проступило членение материала в целом: в 1-й части рассматриваются политические документы античной республики Херсонес Таврический; во 2-й – частные (надгробные) памятники Боспорского царства; в 3-й – эпитафии с разных концов греческого мира, причем в последнем разделе мы снова возвращаемся в большую политику: речь о том, как Еврипид написал два, но сильные стиха на бедствия своих вдохновившихся легкой, как им казалось, поживой, сограждан в Сицилии, и сумел при этом найти взвешенные слова для великой беды, несмотря на то, что единства во мнениях с афинянами у него в 413г. до н. э. уже не было. Структура сборника внятная, что идет от самого материала, обнаруживая некую его компактность, но это единство, все-таки, достаточно внешнее.

Отобранные для объединения статьи носили исследовательский характер и посвящены были существенным *частностям*, с занятием той или иной позиции по вопросам, вызывавшим острые споры в 1930 - 60е годы прошлого века. Одна из статей конца 1980-х – нач. 90-х годов, подготовленная мною в виде машинописи как по-немецки, так и по-русски, называлась: «*Обзор метрических эпитафий КБН: addenda et corrigenda*» (тогда ок. 30,

теперь 45 стр.). Это *критико-эзегетический комментарий* ко всем (их ок. 50) метрическим надписям Боспорского корпуса, сделанный в дополнение к имеющемуся там солидному комментарию от Латышева до Доватура. Публикация этого материала тогда не случилась, я был отвлечен на другие занятия, время от времени обрабатывая в виде статей те этюды, которые казались мне наиболее перспективными. Для нынешнего рассмотрения важно, что это особый – *супплетивный* по сравнению с КБН комментарий, в меру сил отвечающий за каждый из полусотни представленных там стихотворных греческих текстов (почти сплошь эпитафии). Существен как критический, так и *невыборочный* характер дополнений и поправок по теме, обобщенных на середину 1960-х годов в комментариях КБН. Вот и в новом *сборнике*, благодаря присутствию этого материала стали складываться воедино два направления. Кроме (а) избирательной разработки деталей, с полемикой и аргументацией и соответствующей научной отделкой, еще и (б) более или менее равномерно покрывающая весь материал, *систематически* раскрывающаяся картина. Говоря на языке научных дисциплин – наряду с филологическим, здесь ощутимо проступил еще и исторический аспект историко-филологического исследования. В возникающем целом выясняются не только исследуемые детали, но и общая картина с присутствием категорий времени и пространства, пестротой содержания, узнаваемостью разнообразных житейских ситуаций.

Если в опубликованных статьях доминировало исследовательское начало (четыре статьи первой главы в основном сосредоточены на различных сторонах одного колона в *Присяге* и двух-трех строк из *Декрета* в честь Диофанта), то при наличии около 50 текстов боспорских эпитафий в отличие от старого, центростремительного по преимуществу, анализа, комментарий порождает и центробежные, разнородные элементы, получающие иногда статистическое измерение. База научного рассмотрения существенно увеличивается, обогащаясь в качественном отношении.

Оказывается, что в результате увеличения самой массы анализируемого материала через расширение круга текстов, жанров, исторических центров или аспектов рассмотрения, в соединяющей их работе появляется кроме количественного аспекта также и нечто качественно новое, новая цельность и новое единство. Эти уже не только исторически зримые *предметные* темы (присяга, эпитафия, греческий язык, история науки и т.п.), но и те «эпистемологические артефакты», что формируются через исследовательский подход благодаря появлению использованных научных характеристик и приемов. В моем случае, например, это *scriptio plena* и *secundum metrum* или вопрос о расположении на камне пентаметра в элегическом дистихе. Сюда же относится последовательное различение ошибок резчика и сочинителя текста, а это значит – равномерное внимание к орфографии, просодии, метрике и, конечно, к емкому восприятию текста при анализе ошибок в них (почему ошибки бывают поучительнее, чем норма, я понять не умею). Сюда же относится отношение ономастики и просопографии (семейные цепочки повторяющихся имен) или общая характеристика литературного уровня авторов, равно в государственных и в частных документах. Именно при «корпусном» рассмотрении становятся мыслимы и интересны попытки прямого сравнения «почерка» в исполнении отдельных произведений с попыткой показать возможную общую причастность тех же лиц к тем или иным документам, а значит и некоторые выводы о датировке последних. Исследовательские мотивы, на каждом шагу появляющиеся в этюдах, дают, при достаточном расширении объема, не только общую «историческую» тему рассмотрения, но и некую индивидуальную «тему» эмпирического толка: я сам не знал, напр., что при решении конкретных эзегетических вопросов может оказаться решающей шаткая, казалось бы, *оценка* общего литературного уровня того или иного текста или вообще примечательную *остойчивость* больших фактических платформ.

Соединение различных подходов, представленное в подходящей подборке статей, дает, на мой взгляд, плодотворное *монографическое* единство.

В. И. Мажуга. Рукописные памятники правовой мысли XII – XIV вв. в петербургских и европейских собраниях

Разрабатывая названную тему на материале петербургских и родственных им рукописей из зарубежных собраний, я сначала сосредоточился на глоссах учебного характера, емко передающих содержание важных статей в Корпусе Юстиниана и приписываемых в рукописях юристу Рогерию, учившемуся в Болонье, но преподававшему затем в Провансе (ум. ок. 1162 г.). Сами эти глоссы были своего рода нововведением середины XII в. по сравнению с краткими пояснениями отдельных понятий и выражений, типичными для более раннего периода. К сожалению, как обнаружилось, с последовательной перепиской глосс из рукописей, восходящих к оригиналу Рогерия, число приписываемых ему глосс многократно возрастало. Изучение этих глосс, как авторских, оказалось делом бесперспективным.

К созданию около 1170 г. списка третьей части по средневековому делению Дигест (кн. 39 – 50) из Научной библиотеки СПбГУ *Lat. 1* мог быть причастен, по некоторым данным, Иоанн Бассиан, выступивший уже ближе к концу XII в. настоящим реформатором Болонской юридической школы. Попытка атрибуции ему некоторых анонимных глосс в названной рукописи (знаки авторства ставили ученики при переписке рукописи, но не сами профессора) привела к ряду интересных наблюдений. В частности, изучение глосс, так или иначе приписываемых Бассиану, в 9 других известных списках конца XII – первой половины XIII в. позволило не только в известной мере восстановить рукописную традицию глосс Бассиана, но и показать, что его ученики и приемники уже не ограничивались записью в рамках прежней традиции кратких пояснений, которые делал Иоанн Бассиан во время лекций или при подготовке к ним, но оснащали списки Дигест переложением его недошедших до нас в полной записи экстраординарных курсов либо прямыми цитатами из них. Удалось установить, что одна ранняя рукопись, а именно Ватиканская *Pal. Lat., 756* была создана не в Болонье, но в конкурирующей с ней юридической школе г. Модены. Неожиданные результаты в отношении творческого наследия Бассиана дало в этом году исследование по микрофильму прежде не связывавшейся с именем Бассиана рукописи, хранящейся в библиотеке кафедрального собора *La Seu d'Urgel*, которая обнаружила признаки еще одной провинциальной правовой школы, предположительно Пьяченцской, основание которой положил выдающийся юрист XII в. Плацентин, последователь Рогерия. Результаты изложенных наблюдений отражены в вышедшей летом этого года статье (1) «Глоссы Иоанна Бассиана в рукописях первой половины XIII столетия» и (2) в публикации краткого изложения доклада «К вопросу о происхождении глоссированного списка конца XII в. *Digestum Novum BAV, Pal. Lat., 756*».

А.А. Касатов. Имущественная терминология в английских юридических трактатах XII-XIII вв.

Имущественная терминология в английских юридических трактатах XII-XIII вв.

Хорошо известно, что историку не дан эмпирический опыт тех обществ, которые он изучает, в отличие, например, от этнографа. Именно поэтому познать людей прошлого можно только через анализ текстов, ими оставленных. В настоящем докладе речь пойдет о терминах, которыми современники описывали отношения между людьми по поводу вещей, которые было решено определить, как имущественные.

Специфика средневекового права коренится в слиянии двух традиций: римской, впрочем, явно переосмысленной и германской. Англия не была исключением, если не считать довольно раннюю систематизацию самого права в рамках всей страны. Такое право получило название общее (*Common law*), в смысле общее для всей страны и всех свободных, поскольку вилланы – зависимые крестьяне – были изъяты из-под юрисдикции королевских судов.

Нами было проанализированы 2 трактата, имеющих общее название «О законах и обычаях Англии». Первый создан в 1187-89 гг. и называется *Glanvilla*. Вторым трактатом, а точнее сведением воедино множества разрозненных текстов, по традиции приписывается английскому судье Генри де Брактону или Брэттону. Создан он был в 60-е гг. XIII в.

В обоих трактатах для описания имущественных отношений используются слова, явно заимствованные из римского права: *dominium*, *proprietas*, *possessio*, *ususfructus*, но одновременно и те понятия, которые нормандцы принесли с собой с континента, а именно универсальный термин «сейзина» (*saisina*), которым описывали отношения между лицом и вещью. Само это слово восходит к латинизированному франкскому слову *sacire*, фиксируемому с VII в.

Соотношение римских и германских элементов в трактатах можно определить следующим образом.

Possessio и сейзина слова взаимозаменяемые, но не тождественные римскому владению, понимаемому как факт. Для средневековых юристов владение есть и физическая связь лица и предмета, но и правовая. Вместе с тем сейзина это и символическая процедура, оформлявшая права лица на имущество. Однако эти правомочия трактуются так широко, что сейзина сближается, а может даже и отождествляется с *dominium*.

Proprietas, как и в римском праве, это потенциальные правомочия лица на обладание вещью. Поскольку римское и английское право выросли из процесса, многие вопросы имущественного права увязывались с задачами судопроизводства. Именно поэтому английские судьи разделяли иски о праве и иски о владении. В первом случае речь шла о том, кто имеет больше прав или, с чем можно согласиться, чья сейзина древнее и лучше, во втором – о необходимости вернуть имущество потерпевшему, восстановив мир, что очень напоминает римскую практику интердиктов. *Proprietas* систематически противопоставляется *possessio* именно в сфере процесса.

Узуфрукт не получает в трактатах должной проработки, но можно сказать, что узуфруктуар (фирмарий по терминологии трактатов) систематически противопоставлен проприетарию, как лицу, имеющему не фактическое господство над вещью, но юридическое. При этом узуфруктуар, в отличие от обладателя сейзины, не имеет намерения (*animus*) относиться к вещи как своей, он всегда держатель от чужого лица (*nomine alieno*).

Есть основания полагать, что в Англии XIII в. основная масса держателей (*tenentes*) как раз и были обладателями максимально возможных прав на имущество, что выражалось в слиянии в одном лице *dominium*, *proprietas*, сейзины и узуфрукта. Брактон определяет это право, как «полную сейзину» (*plenaria saisina*).

Т.Н. Таценко. Договор о заключении Протестантской унии 1608 г. из НИА СПбИИ РАН: к характеристике религиозно-политической ситуации в Германии в конфессиональную эпоху

1. Заключение договора о Протестантской унии наряду с последовавшим затем вскоре образованием Католической лиги относится к широко известным, знаковым событиям периода, предшествовавшего началу Тридцатилетней войны. Договор был подписан 4 (14) мая 1608 г. в местечке Агаузен. Его заключили лютеранские и реформатские князья юга Германии: курфюрст Фридрих IV Пфальцский, герцог Филипп Людвиг Пфальц-Нойбургский, маркграф Кристиан Бранденбург-Кульмбахский, герцог Иоганн Фридрих Вюртембергский, маркграф Иоахим Эрнст Бранденбург-Ансбахский и маркграф Георг Фридрих Баден-Дурлахский. Каждый из основателей унии и позже к ней присоединившихся получал свой равнозначный экземпляр договора. Один из таких подлинных экземпляров под шифром 2/747 хранится в архиве СПбИИ РАН.

2. Договор написан беглым готическим курсивом в большеформатной пергаменной тетради из восьми листов с пропущенным в месте ее сгиба бело-голубым шнуром, к которому крепятся вислые печати участников договора. Текстом заняты пять с половиной двусторонних листов договора. Он написан на ранненововерхненемецком языке и составлен по формуляру грамоты, которая содержит регистрацию и удостоверение публично-правового акта, в данном случае соглашения суверенных государей о военном союзе.

3. Пространный договор протестантских князей, заключенный против угрозы крепнущих католических сил империи во главе с императором, состоит из 18 глав, посвященных причинам создания союза, обязательствам взаимной поддержки его членов, структурной организации унии, размеру и порядку выплат денежных взносов, предотвращению и урегулированию противоречий внутри союза, критериям отбора новых членов и т.д. Союзу не пришлось реализовывать на практике большинство положений этих статей, т. к. он распался в самом начале Тридцатилетней войны (1621 г.), так и не сыграв в ней значимой роли. Поэтому наиболее важное значение как источник имеет начальная часть договора о причинах создания военного союза, которая позволяет представить реальные черты религиозно-политической ситуации в империи во второй половине XVI – начале XVII в.

4. Следуя тексту этой части договора мы узнаем о непрестанно множившихся тогда конфликтах между протестантскими и католическими сословиями империи из-за «прискорбных разногласий (*beschwerlichen mißuerstandt*)» в понимании положений Аугсбургского религиозного мира 1555 г., которые «враждебным и преступным образом попираются (*durch feindliche vnd thätliche Handlungen vberschritten*)». Имелись в виду конфликты о наследственных правах государей духовных княжеств, секуляризации церковных имуществ, необратимости реформационных преобразований после 1555 г.

5. Установившийся после 1555 г. конфессиональный паритет в замещении правовых и административных структур империи (Суд имперской палаты, Рейхстаги, Визитационные комиссии, Депутатские съезды) до поры до времени способствовал достижению компромиссов по спорным вопросам. Но в последней трети XVI в. эта система была разбалансирована, действенность имперских институтов разрушалась. Протестантским сословиям все реже удавалось добиваться рассмотрения своих жалоб, созыв соответствующих имперских органов затягивался (*die beschwerde gehorsame Stendt solche Hülf ... nitt erlangen können/ sondern dieselbe von einem Reichs: Craiß vnd deputation tag zum andern verschoben*). Для протестантов речь шла о «разрушении всего доброго порядка и законности (*zerrüttung aller guten Ordnung Policey*)».

6. В начальной части договора выразительно передана атмосфера «насилия и притеснения

(*gewaldt vnd betrangnuß*), в которой ощущали себя протестантские сословия. Это ощущение особенно усилилось после насильственной рекатолизации в 1608 г. имперского города Донаувёрта, неприкосновенность евангелического вероисповедания которого гарантировалось Аугсбургским религиозным миром. В тексте договора выражено полное разочарование в способности имперских учреждений разрешать конфликты между конфессиональными партиями империи. Это явилось решающим аргументом для протестантских князей «мужественно выступить с необходимой и позволительной военной защитой (*Mitt nottwendiger vnd erlaubter defension mannlich begegnen*)» против нарушения законности и мира.

7. Тем не менее, заключив военный союз в Агаузене, протестантские князья находились в уязвимой ситуации т.к., будучи вассалами императора, они нарушали клятву верности своему сюзерену. Этим можно объяснить оговорку в тексте договора, что их союз «ни в коем случае не направлен против и к ущербу Его Римского императорского величества, всемилостивейшего господина, которому они обязаны свидетельствовать свое всеподданнейшее полагающееся смирение (*gar nit der Römischen Kayserlichen Maiestat vnserm Aller gnedigsten Herrn als deren wir allen Vndertheinigsten geburlichen gehorsamb zuleisten schuldig ... zuwider zu nachtheil vndt Beschwerung*)».

А.В. Чиркова. Древнейшие регистры дожеских посланий как источник по делопроизводству Венецианской республики XIV в.

В Венеции первые серии регистров появляются лишь в самом конце 1260-х гг. – для записи решений Совета сорока и временного Совета двадцати. Этот вид документальных источников привлекал историков Республики еще до того, как историческое знание стало

наукой, но критическое издание этого рода памятников началось лишь недавно. Под эгидой Венецианского Института наук и искусств (Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti), начиная с 2004 г. опубликуются регистры решений Сената («Senato. Delibertione misti»). Сейчас изданы древнейшие сохранившиеся тома этой серии с 15 по 33, за 1332–1371 гг.

В отличие от регистров Большого совета и Сената, где утрачены лишь отдельные тома, относящиеся к начальному периоду регистрации, регистры дожеских посланий XIV–XV вв. дошли до нас более, чем фрагментарно. От всего XIV столетия в составе Государственного архива Венеции известно лишь 7 разрозненных книг, относящихся к разным сериям. Древнейший регистр посланий 1308–1310 гг. сохранился в фонде Малого совета («Collegio. Minor consiglio») – в оригинале и в копии XVII в. В том же фонде «Collegio», в серии «Secreti» (*con vario titolo, parti, commisioni, lettere*) сохранилось 3 тома за 1354–1363, 1363–1366 и 1382–1385 гг.

В фонде «Cancelleria inferiore, Doge» в серии «Lettere ducali ai rettori» сохранилось 3 тетради регистров за 1364–1376, 1366–1372 и 1374–1380 гг. (pezzo 1, fasc. A, A-bis, A-ter). Две последних были помещены в этот фонд недавно, и не нашли упоминания ни в описи 1979 г., ни в Путеводителе по Архиву 1994 г. *Cancelleria inferiore*, находившаяся внутри дворца и совмещавшая в себе архив городского нотариата с функциями личной канцелярии дождей, была учреждена в дополнение к дожеской канцелярии (*Cancelleria ducale*) в последнее десятилетие XIII в. И с первых годов XIV в. прежде, чем отдавать послание на ознакомление дожу, а затем — для скрепления ее вислой свинцовой печатью, писцам было вменено в обязанность переписывать текст документа в специальный том.

Сопоставление трех ведущихся одновременно регистров с аналогичными подлинниками дожеских посланий того же времени показывает, что работа над документом в ряде случаев не прекращалась даже после составления белого отпуса и внесения его текста в регистр. И на оригиналах, и в регистрах встречаются исправления и добавления. Сама же манера ведения регистрационных записей по многом зависела от индивидуальных предпочтений самих служащих. Каждая из трех тетрадей отражает работу одного регистратора, несмотря на то, что зарегистрированные документы адресованы одним и тем же чиновникам по сходным вопросам.

И.Д. Травин. Поручения дождей Венеции XV–XVII вв. в собраниях России и Италии

Среди многочисленных рукописей, хранящихся в собраниях таких учреждений как Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории РАН, Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки, Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки, а также Библиотека святого Марка, Библиотека Музея Коррер и Государственный архив города Венеция отдельного внимания заслуживают так называемые *commissioni ducali* – указания, инструкции, а также свидетельства о правах и обязанностях, которые выдавались венецианскими дожами чиновникам, назначаемым на ту или иную административную должность в Республике.

На данный момент в Санкт-Петербурге хранится как минимум три дожеских поручения XV века. В ОР РНБ – поручение 1401 г. от большого совета и дожа Микеле Стено к прокураторам св. Марка (ОЛДП, F.440); в НИА СПбИИ РАН – поручение дожа Джованни Мочениго к Доменико Контарини, подеста Кастельфранко Венето (Колл. 6, карт. 187, ед. 10); также в ОР РНБ – инструкции дожа Агостино Барбариго к Анджело Градениго, капитану галер в Бейрут 1492 г. (Lat. Q.v.II №12); также в Москве в ОР РГБ – поручение дожа Агостино Барбариго к Доменико Контарини, подеста и капитану Фельтре (Ф. 183, ин. 456). Из инструкций XVI века: в НИА СПбИИ РАН – поручение дожа Джироламо Приули 1562 г. (Колл. 41, карт. 566, ед. 5); в ОР РНБ – поручение дожа Алвизе Мочениго к Катарينو Контарини, подеста Лендинаро 1571 г. (Ital. Q. v. II №1); также в НИА СПбИИ РАН – инструкции дожа Джироламо Приули к Франческо Маврочено 1576 г. (Колл. 6, карт. 188, ед. 9) и инструкции дожа Николо де Понте к Джулио Квирино, подеста и провизору Мартиненго 1582 г. (Колл. 6, карт. 189, ед. 2); в НБ Государственного Эрмитажа – поручение дожа

Николо да Понте к проведитору Стефано Джустиниане (РК7. 152892. 4.). Также в архивах Санкт-Петербурга хранятся как минимум 4 дожеских поручения XVII и XVIII вв.

В 2012 г. во Дворце дождей в Венеции была организована выставка «*Дожеские обещания и поручения*», а в следующем году был выпущен специальной сборник, в котором половина работ была посвящена этим рукописным памятникам (*Le Commissioni ducali nelle collezioni dei Musei civici veneziani*. Venezia, 2013). Одну из наиболее многочисленных коллекций поручений дождей Венеции содержит Библиотека Музея Коррер, по материалам которой была организована выставка, посвящённая дожеским миниатюрам. Тем не менее на данный момент наибольшее внимание *commissioni ducali*, по причине их традиционного украшения вышеупомянутыми миниатюрами, уделяют прежде всего искусствоведы. Из последних публикаций можно назвать монографию американского искусствоведа Хелены Жепе (Szépe Helena. *Venice Illuminated: Power and Painting in Renaissance Manuscripts*. Yale University Press, 2018. p. 77-193), а из российских исследователей международное признание своими исследованиями миниатюр заслужила Екатерина Юрьевна Золотова (см., например: *Zolotova E. Il Maestro delle "Commissioni" del doge Girolamo Priuli. Cenni della personalità artistica // Bollettino dei musei civici veneziani*. Ser. III, n. 8. Venezia, 2013. P. 87–92).

Традиция публикаций самих дожеских поручений берёт начало в XIX в., однако они представляют собой лишь публикацию текста посланий с кратким комментарием об упоминаемых в документе персонах, иными словами, скорее хобби аристократии и коллекционеров, нежели серьёзное научное исследование (см., например: *Commissione data dal doge Alvise Mocenigo Luigi Giorgio eletto provveditore a Marano nel MDLXXIII*. Venezia, 1855 или *La commissione del doge Michele Steno al podesta e capitano di Belluno*. Venezia, 1875). Единственным современным примером полнотекстовой публикации является издание формуляриев дожеских поручений правителям Истрии и Далмации XIII – XVI веков из собрания Государственного архива Венеции (*Le commissioni ducali ai rettori d'Istria e Dalmazia (1289-1361)* / A cura di A. Rizzi. Roma, 2015; *Le commissioni ducali ai rettori d'Istria (1382-1547)* / A cura di A. Rizzi. Roma, 2017); *Le commissioni ducali ai rettori della Dalmazia (1409-1514)* / A cura di A. Rizzi. Roma, 2018).

Тем не менее, к изучению с исторической и источниковедческой точек зрения *commissioni ducali* пока не привлекались. Предпринимаемая мной работа направлена на исследование не только внешних особенностей документов, но и их содержания, истории создания и значения в эволюции средневековых и ренессансных венецианских институтов, а также их иллюстративности тенденций и изменений венецианского нотариата, торговых и административных дел, внутренней и внешней политики Венецианской республики. На данный момент описаны и транскрибированы все три дожеских поручения XV в., хранящиеся в Петербурге. Готовятся их полные переводы и выход соответствующей публикации с внешней и внутренней критикой этих уникальных документальных памятников.

Г.М. Воробьев. О подложности письма Джованни Пико делла Мирандолы из научно-исторического архива СПбИИ РАН

В западноевропейской секции научно-исторического архива СПбИИ РАН, в коллекции 1 («Письма политических и военных деятелей XV–XIX вв., Италия»), карт. 58, №3, хранится письмо на латинском языке знаменитого итальянского философа Джованни Пико делла Мирандолы (1463–1494) к поэту и гуманисту Анджелино Полициано (1454–1494). В каталоге Л. Г. Катушкиной «От Данте до Тассо. Каталог писем и сочинений итальянских гуманистов в собрании ЛОИИ СССР» (1972 г.) указано, что письмо — автограф, но в скобках написано: «возможно, подделка». В докладе будут приведены аргументы, призванные подтвердить это предположение.

Письмо представляет собой листок бумаги шириной 215 мм и высотой 145 мм; посередине верхнего края видна часть филигрании. Видимая часть филигрании представляет собой, как кажется, хвостовое оперение птицы, похоже на оперение в образцах Briquet 12146,

12149 (1475, 1484 гг.) и в еще большей степени на оперение в образцах, представляющих птицу в круге, хотя в нашем случае круга нет: Briquet 12204, 12205 (1482–1501 гг.), Piccard-Online 42414 (1487 гг.). Все приведенные образцы из альбомов засвидетельствованы в документах из Италии.

Почерк, которым писаны текст письма и адрес на обороте, не отождествим с почерком Пико (см., например, лл. 3v–5r в кодексе Vat. lat. 4552), однако практически всегда для написания писем он пользовался услугами секретарей, так что неудивительно, что хранящееся в СПбИИ письмо написано не его рукой. Адрес «Doctissimo viro et mei amantissimo D(omi)no Angelo Politiano Florentię», наличие трех сгибов вдоль и одного поперек, а также следа от печати, убеждали бы в том, что перед нами в действительности тот лист бумаги, который и был послан к Полициано.

Несмотря на соответствие предположительной датировки бумаги периоду, когда могло быть написано данное письмо (см. выше годы жизни отправителя и адресата) и на другие убедительные, казалось бы, свидетельства подлинности, попробуем показать, что хранящееся в Петербурге письмо — подделка.

Дело в том, что текст письма хорошо известен. Он был впервые напечатан в 1496 году в издании переписки Пико, которое подготовил его племянник Джованфранческо Пико. В 1498 г. письмо вышло и в альдовском издании переписки Полициано. Кроме того, текст дошел в нескольких рукописных сборниках писем, написанных и полученных Полициано.

Известно, что Полициано заботился о художественно-стилистическом облике своей переписки и при подготовке рукописного сборника, легшего в основу издания 1498 г., правил полученные им письма (Bettinzoli 2004, 381). Так, в тексте 1498 г. отсутствуют некоторые пассажи, которые есть в тексте 1496 г. Сопоставление содержания показывает, что не в текст 1496 г. добавлены не существовавшие прежде вставки, а в издании 1498 г. исконный текст письма сокращен. Такого же мнения придерживается последний издатель и переводчик переписки Полициано на английский Шейн Батлер (Poliziano 2006, 322). При этом текст петербургского письма почти полностью соответствует тексту издания 1498 г., то есть сокращенному варианту текста.

Кроме того, в одном из списков собрания писем Полициано (сигл М), который был сделан одним из его учеников ок. 1500 г. не с издания 1498 г., а с предшествующей печатному изданию редакции (см. Poliziano 2006, 295), приведена еще более полная версия писем, чем в печатных изданиях. В этой рукописи наше письмо содержит несколько дополнительных фраз и заканчивается указанием даты: «Quarto Idus Martias 1483» (12.03.1483). Сложно представить, чтобы переписчик рукописи М по какой-то причине выдумал и прибавил эту дату. Следовательно, надо полагать, что указание даты присутствовало в оригинале, так что отсутствие даты в петербургском письме можно было бы считать достаточным аргументом для доказательства его подложности. Тем не менее, нельзя исключать, что все же дата с неясной целью добавлена в рукопись М или в ее антиграф.

Обратимся к более мелким текстологическим различиям. Как сказано выше, текст письма очень близок тексту издания 1498 г. Различий всего три, и все они, как представляется, свидетельствуют о том, что петербургское письмо (обозначим его сиглом *Petr*) — не оригинал, подвергшийся затем расширению в издании 1496 г. и в рукописи М, а список с рукописи, содержавшей сокращенный вариант, близкий к альдине 1498 г. (*Ald*).

1. *iocatus Ald loquutus Petr*
2. *mea mihi non satisfaciant Ald mea tibi non satisfaciant Petr*
3. *Suffenus Ald Suffrenus Petr*

Если представить, что чтения *Petr* — подлинны, то приходится признать, что Пико написал, что «говорил со своими музами», а не «играл» с ними. Вариант *iocatus* ‘играл’, безусловно, следует считать менее ординарным и более изящным, тогда как *loquutus* ‘говорил’ — это явное *lectio facilior*. Если считать, что Пико написал *loquutus*, то придется предположить, что Джованфранческо усовершенствовал его текст, написав элегантное

locatus, тогда как «оригинальное» чтение не засвидетельствовано ни в одном списке и ни в одном печатном издании. Если же считать, что *Petr* — подделка, то появление чтения loquutus как раз легко объяснить: копируя с рукописи, близкой к *Ald*, переписчик по ошибке прочел locutus вместо locatus, и либо он же, либо следующий переписчик (возможно, автор подделки) записал форму locutus в альтернативном орфографическом варианте loquutus.

Что касается чтения *Petr* «*mea tibi non satisfaciunt*», в докладе оно будет разобрано на фоне общего содержания письма и будет показано, что только при невнимательном чтении оно может показаться более правильным, чем «*mihi*».

Наконец, чтение Suffrenus следует считать ошибкой переписчика: имя Suffenus известно только по двум стихотворениям Катулла (14 и 22), и ни в одном из изданий Катулла начиная с editio princeps 1472 г. и до смерти Пико оно не пишется с буквой *r* после *ff*.

Совокупность аргументов свидетельствует, что петербургское письмо — подделка. Использование же бумаги, характерной для Италии последней четверти XV — самого начала XVI в., может свидетельствовать о том, что подделка была изготовлена вскоре после распространения переписки Полициано. Широкая известность Пико и Полициано вполне могла вызвать интерес к их автографам и послужить причиной для создания подделки уже на рубеже XV и XVI вв.

А.А. Вовин. Послания дождей на вольгаре из собрания Архива СПбИИ РАН в контексте развития делопроизводства канцелярии венецианских дождей в XV-XVI вв.

Вместе с Д.А. Агеевой мной были транскрибированы и переведены на русский язык 14 посланий венецианских дождей, написанных на вольгаре XV – XVI вв., из коллекции ЗЕС Архива СПбИИ РАН. После этого в венецианском архиве Archivio di Stato di Venezia мной была предпринята попытка найти регесты, в которых бы отразились соответствующие послания, равно как и латиноязычные послания дождей из ЗЕС Архива СПбИИ РАН. Мной были всплешную просмотрены все дошедшие регесты из фонда Cancelleria Inferiore: Doge за XV – первую половину XVI вв., а именно дела №№ 1 (фасцикулы b, c, d, e, f), 2, 7, 12, 14. В результате выяснилось, что ни одно из дожеских посланий из коллекции Н. П. Лихачева в венецианских регестах не отразилось, что отчасти объясняется неполнотой регест, отложившихся в Archivio di Stato di Venezia, пострадавших отчасти и от пожара XVI в. Это несомненно повышает научную значимость изучаемых посланий, как источников, впервые вводимых в научный оборот. Помимо этого, на основе сплошного просмотра венецианских регест мной были сделаны некоторые предварительные выводы о развитии делопроизводства в Венеции XV – XVI вв. Так, в отличие большинства североитальянских городов, где уже в XV в. делопроизводство переходит на вольгаре, регесты дожеской канцелярии оставались латиноязычными по крайней мере до середины XVI в. (ни одной канцелярской записи на вольгаре мной обнаружено не было). То есть, Венеция не принимала участие в том важном «состязании канцелярий», которое сыграло важную роль в формировании современного итальянского языка и его канцелярской традиции (победу в «состязании», как известно, одержала Флоренция, что привело к закреплению литературной нормы на основе тосканского диалекта). Вместе с тем, оригинальные дожеские послания на вольгаре нам известны, в том числе речь идет об изучаемых посланиях из ЗЕС Архива СПбИИ РАН. Причем отсутствие записей на вольгаре в регестах вряд ли можно объяснить уже упоминавшейся выше их неполнотой. То есть, складывается парадоксальная картина: собственно послания составлялись и на вольгаре, и на латыни (что для XVI в. уже было анахронизмом по сравнению с другими городами Северной Италии), а регесты, их фиксирующие, велись только по-латыни. Вероятно, соответствующие послания на вольгаре переводились на латынь писцами канцелярии. Последнее наблюдение косвенно подтверждается и тем, что формуляры посланий на вольгаре и латыни совпадают (насколько можно говорить об условном совпадении разноязыких документов). Возникает естественный вопрос о причинах, приведших к такому пути развития делопроизводства. Вряд ли это можно объяснить лишь некоторой архаичностью и отсталостью дожеской канцелярии, так как ее определенная эволюция несомненно прослеживается. Так, в последнее десятилетие

XV в. наблюдается изменение формы записей в регестах: до этого момента они представляют собой дословное копирование посланий, а после уже являются пересказом содержания с сохранением лишь части прежнего формуляра. Моя рабочая гипотеза состоит в том, что неразвитость делопроизводства на вольгаре вызвано нехваткой или отсутствием местных нотариев (что уже отмечалось в предыдущей историографии) и необходимостью привлекать таковых извне, при том что они были чужды местному языку и традициям.

Исаев С.А. В чём состояла новизна Конституции США по сравнению с ранее действовавшими там конституционными документами?

1. Речь идёт о Конституции США в двух её вариантах: об исходном проекте, который был одобрен 17 сентября 1787 г., и о действующем основном законе с момента вступления в силу XII поправки: 15 июня 1804 г.
2. Пять новаторских особенностей характеризуют документ 1787 г., ещё две – документ 1804 г.
3. Главным новшеством был принцип *демократического федерализма*: отныне в США мог вступить в силу только такой закон, какой одобряли законные представители большей части населения страны, независимо от разделения на штаты. Ранее законы принимались большинством штатов, по принципу один штат – один голос.
4. *Разделение властей*, ранее существовавшее только в отдельных штатах, было осуществлено и на федеральном уровне.
5. *Бикамерализм* федерального законодательного органа принципиально отличался от двухпалатных систем, существовавших в отдельных штатах. В штатах сенаты отличались от нижних палат только повышенными цензами. Федеральный же Сенат создавался по принципу равенства штатов, независимо от величины населения и территории.
6. С введением *единоличного президентства* глава исполнительной власти США получил те полномочия, какие в Массачусетсе имел губернатор штата по конституции 1780 г.
7. В процессе принятия Конституции США *народ США*, безотносительно к разделению страны на штаты, впервые выступил и был признан как *политический субъект*, обладающий юрисдикцией. Ранее таковыми признавались только народы отдельных штатов.
8. I – X поправки к Конституции ввели в правовую систему американской федерации *права человека*, как систему *конституционных запретов* органам власти вмешиваться в некоторые сферы жизни общества и отдельных лиц.
9. XII поправка к Конституции косвенно признала федеральные *политические партии* как субъект политического процесса. Тогда как изначально Конституция предполагала, что президентом должен быть избран самый достойный / доблестный гражданин, вице-президентом – второй по достоинству.

Крылов П.В. Кризис 1898 г. и общественная мысль Испании: Анхель Ганивет и Рафаэль Альтамира-и-Кревеа

Поражение Испании в войне против США нанесло серьёзный моральный урон испанскому обществу, нашедший своё отражение в культуре и общественной мысли, получившее в историографии название «поколение 98 года». Его символической фигурой стал Анхель Ганивет (1865 – 1898), увлекавшийся написанием историософских трактатов дипломат, совершивший самоубийство в Риге 29 ноября 1898 года. Причину постигшего Испанию социально-политического кризиса он видит в проблемах мировоззренческого порядка, поскольку в его идеалистической концепции исторического процесса центральное место занимает т.н. *«filosofia vulgar»* - *«народная философия»*, которая по своим общим характеристикам совпадает с содержанием термина «менталитет», введённым в 1920-е гг. Люсьеном Леви-Брюлем. Одним из последователей, перенесшим идеи Ганивета в историографическую практику, явился Рафаэль Альтамира-и-Кревеа (1866 – 1951). В качестве одной из своих задач он определял противостояние распространённой в мире

«чёрной легенде» об испанском прошлом, а в качестве метода – последовательное увязывание событийного ряда с системой ценностей соответствующей эпохи, что было особенно заметно в его сочинениях, посвящённых первым испанским королям из династии Габсбургов. Создание в испанском и испано-американском обществе положительного восприятия Испании колониального периода должно было служить одним из оснований преодоления кризиса в отношениях между бывшей метрополией и государствами Латинской Америки, ослабленных в результате воздействия североамериканской дипломатии. В результате, можно констатировать, что критический импульс испанского «поколения 98 года» породил не только аналог т.н. «концепции «мягкой силы» в международной дипломатии, но и подходы к историческому материалу, свойственные французской «ментальной истории» Марка Блока и Люсьена Февра. Впрочем, этот хронологический приоритет испанского гуманитарного знания оказался незамеченным в академическом мире по причине языкового барьера.

И.П. Медведев. Судьба учёного: В.Н. Бенешевич

Крупнейший русский византист и историк церковного права Владимир Николаевич Бенешевич (1874-1938) – ученый мировой известности и трагической судьбы. На протяжении более чем 30 лет мною изучены обширный личный архив В.Н. Бенешевича, хранящийся в Петербургском филиале Архива РАН, его следственное дело, относящиеся к Бенешевичу материалы, которые находятся в других архивохранилищах Петербурга и Москвы. 20 ранее опубликованных статей, будучи собранными под одной обложкой и подвергнутыми доработке и всевозможным исправлениям, наглядно демонстрируют неопределимый вклад учёного в мировую науку, драматизм его повседневной – на протяжении многих лет – борьбы за сохранение в СССР византиноведения как академической дисциплины.

В ходе работы с не опубликованными материалами В.Н.Бенешевича стало очевидно, что его исследования фактически задали то направление, в каком в дальнейшем развивалось мировое византиноведение. Именно его проект капитальной публикации памятников византийского права реализует Центр по изучению греческих юридических рукописей, работающий с 1974 г. во Франкфурте-на-Майне.

В 1929 г., когда В.Н.Бенешевич был приговорён к 3 годам заключения в концентрационном лагере, освобождения его добивались два лауреата Нобелевской премии – Фритюф Нансен и Альберт Эйнштейн. Эйнштейн, чьи занятия по тематике были весьма далеки от византиноведения, получил информацию от Макса Планка, которому жена Бенешевича – Людмила Фаддеевна сообщила об аресте супруга. Хотя за первым арестом последовало варварское разорение научного архива, по возвращении в Ленинград В.Н.Бенешевич пытался возобновить работу по подготовке новых комментированных публикаций. Контактируя с зарубежными учёными, он действовал безо всякой оглядки на политические обстоятельства. Публикация «Синагоги Иоанна Схоластика в 50 титулах» в Мюнхене дала повод для расправы над ним. В 1937 г. ни о каком заступничестве влиятельных в мире людей речи уже не было: арест и расстрел свершились так быстро, что за рубежом об этом узнали только *postfactum*. Из числа же деятелей науки, живших в СССР, только академик Дмитрий Моисеевич Петрушевский менее чем за месяц до ареста В.Н. Бенешевича направил ему сочувственное письмо, но оказать ему реальную помощь был бессилён.

Н.Л. Корсакова. Личный фонд В.И. Рутенбурга (Западноевропейская секция Архива СПбИИ РАН. Ф. 20)

Личный архив чл.-корр. АН СССР В.И. Рутенбурга (1911-1988) передан в Западноевропейскую секцию архива его вдовой Софьей Григорьевной Рутенбург после смерти ученого. Объём принятых на хранение материалов (включая небольшое количество книг) составлял 5 м.

В составе фонда - традиционные для личных архивов научных сотрудников материалы: (1) рукописи (автографы и машинопись) изданных и неизданных **научных**

трудов и подготовительные материалы к ним (конспекты, черновики трудов, библиографическая картотека, фотокопии документов – как из архивов Италии, так и из отечественных архивов и т.п.), а также тексты научных докладов и отзывы на научные труды коллег, из которых большинство не издавалось. Самыми объемными из числа неизданных текстов оказались: работа под названием «Неопубликованная рукопись Маркса об Италии XIV-XV веков» (1949-1957 гг., 258 л.); тексты, не вошедшие в монографию «Народные движения в городах Италии. XIV – начало XV века» (защищена в качестве докторской диссертации); выполненный В.И. перевод на русский язык работы чехословацкого историка Й. Мацека «Итальянское Возрождение», так и не увидевший света.

Значительную часть фонда составляют (2) **Материалы по организационной и преподавательской деятельности** ученого, отражающие все ее многообразие: в т.ч. участие в работе различных научных институций (Международной комиссии по истории городов, Комиссии – городской и всесоюзной – по истории культуры эпохи Возрождения, «Общества дружбы СССР – Италия», Археографической комиссии, работу в составе редколлегий научных изданий и т.п.); многолетнюю преподавательскую деятельность в ЛГУ; участие В.И. в многочисленных форумах – отечественных и международных; договоры с издательствами; списки научных трудов фондообразователя; т.н. выездные дела; хранимые В.И. материалы о коллегах; материалы, касающиеся работы Группы (сектора, отдела) всеобщей истории, которую создал и которой руководил В.И.

В личном архиве сохранилась значительная часть (3) **научной переписки** В.И. как с отечественными, так и зарубежными коллегами (фондообразователь хранил и некоторые отпуска своих ответов, многие письма содержат его пометы). «Входящие» письма иностранцев – на многих языках; сам В.И. предпочитал отвечать по-итальянски или по-французски.

(4) **Материалы о фондообразователе** можно условно разделить на прижизненные (опубликованные и неопубликованные тексты к юбилеям и т.д.) и посмертные (некрологи, рукописи статей сборников, посвященных памяти ученого).

Из (5) **материалов личного характера**, которых в фонде мало, выделяются случайно сохранившиеся 10 писем В.И. к жене с фронта (все 1944 г.). Сохранилось также несколько писем и открыток родственников и друзей фондообразователя, семейные фотографии. Интересны ранние литературные и журналистские работы В.И.: в архиве сохранилась тетрадь, куда вклеены изданные газетные заметки Виктора Копейкина на украинском и русском языках.

Многочисленные оттиски научных статей коллег (с дарственными надписями), самого фондообразователя, а также газеты и вырезки из них описаны в разделе (6) **«Типографские материалы»**.

Фонд систематизирован, завершается работа над описями, окончательная структура которых определится после консультации с сотрудниками Архива.

В ходе работы прояснены факты личной и научной биографии ученого, выявлены неучтенные в существующих библиографиях труды В.И.

Е.С. Кравцова. Личный фонд М.А. Гуковского: обзор

Гуковский Матвей Александрович (8.05.1898, Петербург – 6.02.1971, Ленинград), историк, искусствовед, доктор исторических наук, профессор ЛГУ, директор библиотеки Гос. Эрмитажа. Крупный специалист в области истории Италии эпохи Возрождения и Гуманизма, основная специализация – труды и искусство Леонардо да Винчи.

Архив М.А. Гуковского поступил в архив ЛОИИ АН СССР от вдовы М.А. Гуковского, Аси Соломоновны Кантор–Гуковской. Первое поступление материалов фонда произошло 7.04.1983, второе – 7.07.1986. Суммарно количество дел фонда в необработанном состоянии составляло 65 см., фонд был учтен за № 16.

Большую часть фонда составляет обширная переписка, которую Матвей Александрович вел с [1956] по 1970 гг. как с советскими частными лицами и организациями, так и с зарубежными. Важную часть переписки занимают вопросы исследования наследия

Леонардо да Винчи, атрибуции художественных произведений. Это, преимущественно, переписка с С. Pedretti, итальянским историком, крупным специалистом по наследию Леонардо да Винчи, и R. Cianchi, директором библиотеки “Leonardina” (г. Винчи), а также Б.Н. Лосским, сотрудниками Лувра и других французских музеев, исследователями–энтузиастами творчества Леонардо да Винчи по всему миру, такими как F. F. van Heesvelde, A. Corbeau, K. T. Steinitz и др. Показывает М.А. Гуковского как крупного исследователя эпохи Возрождения переписка с такими выдающимися учеными–исследователями Ренессанса и Гуманизма как Р.О. Kristeller и А. Chastel. М.А. Гуковского неизменно приглашали на международные конференции, о чем свидетельствует, например, переписка с представителями фонда Джорджо Чини (V. Branca, I. Siciliano, A. Pertusi, G. Fiocco) и с его основателем, V. Cini. М.А. Гуковский активно участвовал в совместном проекте Института Итальянской энциклопедии (Istituto della Enciclopedia Italiana) и советских ученых по подготовке словарных статей для Энциклопедии античного искусства (Enciclopedia dell'arte antica), этому посвящена переписка с R. Bianchi Bandinelli, A. Ferrabino, L. Morriconi, G. Vecatti, M. Pavan, A. Ghuisalberti, М.Е. Массоном. Немалая часть переписки посвящена изданию трудов Гуковского М.А. (переписка с E. Droz, G. Billanovich), формированию личной библиотеки и пополнению фондов библиотеки Гос. Эрмитажа (переписка с Книжным отделом и с многочисленными зарубежными коллегами и издательствами).

Менее объемную, но не менее значимую часть фонда представляют материалы научной деятельности М.А. Гуковского, самой ценной частью которых являются карточки–выписки из трактатов Леонардо да Винчи, на русском и итальянском языках (картотека для «Механики Леонардо да Винчи»). Также фонд дает представление об обширной общественной деятельности, которую вел М.А. Гуковский начиная с 1955 г. и до самой смерти преимущественно в рамках Общества СССР–Италия и его Ленинградского отделения, отражает его усилия по установлению как культурного, так и научного сотрудничества между двумя странами.

Секция 6: Проблемы изучения и публикации источников по истории России и Западной Европы Средневековья и Нового времени

И. А. Левинская. Эпиграфика и Новый Завет

В настоящий момент я работаю над книгой, посвященной эпиграфике в исследовании Нового Завета. Книга состоит из глав, каждая из которых посвящена или одной надписи, или серии надписей, которые важны для понимания исторического фона новозаветного корпуса.

В одной из глав рассматривается надпись из Афродисиады, – города, расположенного на равнине к югу от плодородной долины Меандра, который, начиная с 250-х годов, становится столицей новообразованной римской провинции Кария-Фригия. Первые издатели надписи (они полагали, что две надписи на разных сторонах почти трехметровой мраморной стелы представляют собой единый текст) датировали ее началом III в. (до эдикта Каракаллы 212 г.)¹. В ходе последующей дискуссии стало очевидно, что надписи на двух сторонах стелы представляют собой разные тексты и что их нужно датировать более поздним временем². Вопрос в том, насколько более поздним. Участники дискуссии предлагали разные

¹ Reynolds J., Tannenbaum R. Jews and Godfearers at Aphrodisias (Cambridge Philological Society. Supplementary Vol. 12) Cambridge: CUP, 1987), см. также <http://insaph.kcl.ac.uk/> (№ 11.55).

² Palmer Bonz M. The Jewish Donor Inscription from Aphrodisias: are They Both Third-century and Who are the Theosebeis? // Harvard Studies in Classical Philology. 1994. 96. P. 281–299; Chanotis A. The Jews of Aphrodisias: New Evidence and Old Problems // Scripta Classica Israelica. 2002. 21, 209–242; Gilbert G. Jews in Imperial Administration and its Significance for Dating the Jewish Donor Inscription from Aphrodisias // Journal for the Study of Judaism. 2004. 35, 2. P. 169–184; Inscriptiones Judaicae Orientis II. Kleinasien / Hrsg. Ameling W. Tübingen,

даты: сторона а (II)³ – V в., сторона b (I) – III в. (M. Palmer Bonz), сторона b (I) временем после 250 г., с более вероятным периодом между декретом Гонория 311 г. и правлением Феодосия I (379-395), а сторона а (II) временем после 350 г., возможно где-то в V в. (A. Chaniotis), сторона b (I) не ранее середины IV в., сторона а (II) более поздним временем, с *terminus ante quem* в VI в., возможно, 40-ми годами VI в. (W. Ameling).

Споры вокруг датировки надписей привели к тому, что в четвертом томе «Кембриджской истории иудаизма»⁴, в котором они упоминаются в трех главах, авторы ссылаются на надписи (впрочем, ни один из авторов не упоминает о том, что речь идет о двух надписях) как на подтверждение теплых отношений малоазийских язычников с евреями в конце II – начале III в.⁵, в середине IV – конце V в.⁶ и, наконец, в середине V в.⁷

В книге я отстаиваю дату IV в., однако отвергаю аргументацию Ханиотиса, который опирается на ономастику части имен, проигнорировав, что наряду с поздними именами в надписях содержатся имена, которые были характерны для более раннего периода.

В главе также идет речь о необычайно важной надписи из Пантикапея, в которой впервые было засвидетельствовано участие квазипарзелитов (боящихся Бога) как равноправных членов еврейских синагог.

Н. Б. Срединская. Изучение средневекового итальянского города по материалам Западноевропейской секции Архива СПбИИ РАН

Изучение средневекового западноевропейского города – одна из центральных тем в медиэвистике, и Западноевропейская секция Научно-исторического архива СПбИИ РАН дает богатый материал для разностороннего развития этой тематики. В 2019 г. был введен в научный оборот ряд нотариальных актов XIII-XIV вв., хранящихся в Западноевропейской секции Архива (с привлечением документов зарубежных архивов), и на основе их анализа было продолжено исследование средневекового итальянского города в следующих направлениях:

Рассмотрение феррарских актов, фиксирующих передачу скота на основании различных видов аренды (зоатика, сочида, каваллатико и др.), приводит к выводам о стремительном распространении такого рода правоотношений в Ферраре и ее округе. Развитие, растущая разработанность формуляра таких и подобных им актов свидетельствует об изменениях в обществе и экономике Феррары, начале распространения рыночных отношений в сельском хозяйстве этого региона. Результаты этого исследования опубликованы в статье «Эволюция формуляра актов аренды скота в Ферраре XIV в.».

Исследования средневекового города проводились в отчетный период также в рамках проекта «Самоорганизующиеся структуры средневекового города: генезис, классификация, механизмы функционирования». Исследование города как самоорганизующейся системы предусматривает исследование появляющихся в его составе меньших самоорганизующихся структур. В этом ряду была рассмотрена роль контрады как городского сообщества, как структуры средневекового итальянского города, которая сопровождает его развитие и

2004. S. 78-82.

³ а – в соответствии с обозначением в *Reynolds J., Tannenbaum R. Jews and Godfearers* (авторы полагали, что сторона а была началом надписи, а b – ее продолжением), II – в соответствии с обозначением в *Chaniotis A. The Jews of Aphrodisias* (Ханиотис считал, что надпись на стороне b была выбита раньше).

⁴ *Cambridge History of Judaism. Vol. IV. The Late Roman-Rabbinic Period* / Ed. S. Katz. Cambridge, 2006.

⁵ *Trebilco P. The Jews in Asia Minor 66 – c. 235 CE.* // *Cambridge History of Judaism. Vol. IV.* Cambridge, 2006. P. 80. Требилко известно о более поздних датировках, о которых он упоминает в примечании, однако в самом тексте главы, верхней хронологической датой которой является 235 г., он приводит дату по Рейнолдс-Танненбауму.

⁶ *Fredriksen P., Irshai O. Christian Anti-Judaism: Polemics and Policies* // *Cambridge History of Judaism. Vol. IV.* P. 1005 с оговоркой «если датировать надпись...». Они ссылаются на статью А. Ханиотиса (*Chaniotis A. The Jews of Aphrodisias*), в которой, тот датирует одну из надписей временем после 250 г., считая более вероятным период между декретом Гонория 311 г. и правлением Феодосия I (379-395), а вторую временем после 350 г., возможно где-то в V в.

⁷ *Bowman S. Jews in Byzantium* // *Cambridge History of Judaism. Vol. IV.* P. 1046-1047 (без ссылок и оговорок, как об общеизвестном факте).

сохраняется в определенном плане в его жизни до наших дней. В рамках этого же проекта на основании анализа нотариальных актов XIII– XIV вв. осуществлялось изучение механизмов формирования и развития средневекового городского права Северной Италии. Эти исследования нашли место в качестве двух глав: «Контрада как самоорганизующаяся структура средневекового итальянского города (на примере Венеции, Феррары и Сиены)» и «Механизмы формирования и развития средневекового городского права Северной Италии (по материалам нотариальных актов Феррары XIV века)» в коллективной монографии «Городские сообщества Западной Европы в Средние века». М.: Индрик, 2018. В журнале Средние века была опубликована работа о жизни и деятельности известной исследовательницы итальянского города Е.В. Бернадской, многие годы посвятившей изучению и публикации средневековых архивных документов, в том числе хранящихся в архиве СПбИИ.

Д. М. Омельченко. Испанские акты X–XIV вв. из коллекции Н. П. Лихачёва

В силу ряда обстоятельств, ленинградская традиция испанистики прервалась во второй половине 1960-х гг., и с 1950-х гг. и до настоящего времени главным центром исследований различных периодов истории Испании является Москва. Очевидно, это стало одной из причин того, что 13-я (Испанская) коллекция Н.П. Лихачёва, хранящаяся в научно-историческом архиве СПбИИ РАН, до сих пор не описана. Точнее, имеется лишь краткое описание в испаноязычной книге Э. Саэса, которая уже стала библиографической редкостью. Между тем, Испанская коллекция Н.П. Лихачёва содержит документы, которые могли бы стать частью источниковой базы для исследований различных сюжетов истории Испании в Средние века и Новое время. Прежде всего, речь идёт об истории правовых институтов, однако некоторые документы могут представлять интерес и для исследователей различных «идентичностей» в испанском средневековом обществе, гендерных отношений, церковной истории и даже бытования подделок исторических документов в XIX- начале XX вв. Таким образом, раскрытие состава и содержания документов Испанской коллекции СПбИИ РАН представляется актуальной научной задачей.

Первые шаги в этом направлении были предприняты нами в 2019 г. Было дано краткое описание 20 актов из картона 290 Коллекции 13. Это документы, относящиеся к периоду X–XIV вв. Они составлены на латинском языке. Половина рассмотренных документов касается отношений королей и частных лиц с различными церковными структурами в Каталонии, Кастилии, Кантабрии. Треть документов относится к частным актам дарения, продажи или завещания. Остальные документы касаются отношений короля с городами и дарение Альфонсо VII, короля Леона и Кастилии, королевскому майордому и его супруге.

Один из этих документов - Договор Альфонсо VII, короля Леона и Кастилии, с коммуной Генуи о военном походе на Альмерию 1146 г. - был введён в научный оборот ещё в 1980-е гг. Акт о продаже участка земли с деревьями и домом в Вальдорексе (997 г.) был представлен на выставке «Звучат лишь письма...» в Эрмитаже в 2012 г. и опубликован в каталоге выставки. Позже он экспонировался на выставке «Испанские древности» в СПбИИ РАН в 2015 г.

Остальные документы из этого картона, хотя и просматривались исследователями средневековой истории Испании, пока не введены в широкий научный оборот.

В дальнейшем мы планируем продолжить описание документов 13-й коллекции и, надеемся, что через какое-то время некоторые результаты этой работы станут возможным представить в виде публикаций в периодических научных изданиях.

Е. К. Пиотровская. Проблемы изучения переводной славяно-русской письменности

Изучение памятников славяно-русской переводной письменности всегда находилось в сфере историко-филологического знания и потому является насущной проблемой современной византистики, славистики и русистики. Как известно, именно отечественной науке конца XIX — начала XX в. принадлежит основополагающая роль в изучении

письменной традиции богатейшего культурного наследия христианской цивилизации. Особое значение приобретает выявление источников, их сравнительный анализ с оригиналом и обоснование основных историографических этапов. В разное время в ЛОИИ изучением памятников славяно-русской переводной письменности занимались Митрофан Васильевич Левченко, Елена Эммануиловна Липшиц. Под руководством последней после прохождения аспирантуры и началось мое изучение **проблем** византийской хронографии, ее связей с древнерусским летописанием, хронологией, монастырской книжной традицией и др.

В 2019 г. наряду с многими другими научными интересами и заданиями Дирекции Института мне было необходимо пришлось сосредоточиться на изучении материалов Архива СПбИИ РАН (коллекции 238 и коллекции 11). Как известно - в них неисчерпаемый клад письменного наследия, собранного и академиком Н.П. Лихачевым для своего Музея палеографии – «Истории письменности всех времен и народов», и Археографической комиссии (в 2019 г. исполнилось 185 лет со дня ее учреждения как старейшего научного гуманитарного общества России!) Сборники этих коллекций (особенно «смешанного» содержания) и отложившиеся в них материалы других ученых прошлого представляют огромный научный интерес, как и редкие уникальные издания отдельных памятников отечественной и зарубежной науки, которые бережно хранятся в библиотеке нашего Института. Возможность сопоставления результатов изучения уже опубликованных источников и рукописного наследия всегда помогала решать сложные научные проблемы.

А. А. Калашикова. Русские судебные документы XV – первой половины XVI в.

Сохранившиеся от XV – первой половины XVI веков судебные документы, правые грамоты и судные списки, представляют собой протоколы судебных разбирательств, как правило, земельных споров. Они включают в себя информацию об объекте спора, об истце, ответчике и судье, показания свидетелей, копии документов, представленных в качестве доказательства на суде, вердикт по делу. Старейшим дошедшим до наших дней судебным протоколом является правая грамота 1416 года суда великого князя Василия Дмитриевича, данная архимандриту Чудова монастыря Иоакиму.

Зачастую самоназвание грамот, встречающееся в источниках, не совпадает с научной классификацией. В XV – XVI веках функции, а также названия, правой грамоты и судного списка смешивались. Судный список после того как на его основе составлялась правая грамота должен был терять свою силу. Но сам факт того, что до наших дней сохранилось относительно много судных списков, что их копировали в копийные книги, свидетельствует об обратном. Примером такой ситуации является судебное разбирательство конца XV века между Симоновым монастырем и землевладельцами Карповыми детьми Булгакова. Монах Федор, представляющий монастырь в суде, представляет в качестве доказательства судный список 1472 года, который также сохранился до наших дней, причем называет его правой грамотой. Кроме того, в изданиях и каталогах разные виды судебных документов также иногда смешиваются.

Для различия судного списка и правой грамоты ключевым является понятие доклада. Если судья, разбирающий дело на месте, из-за нехватки полномочий или сложности дела не мог вынести вердикт по делу, он отправлял его другому судье на доклад. Доклад мог принимать сам великий князь или другие лица, но статус судьи, принимающего доклад, всегда был выше статуса судьи, разбирающего дело на месте. На докладе судья принимал решение по делу и приказывал первоначальному судье вынести то или иное решение. Таким образом, докладной правой грамотой является только та грамота, которая прошла все три стадии процесса: первоначальное разбирательство на месте, доклад и приговор, вынесенный первоначальным судьей. Судный же список обычно завершался процедурой доклада или не включал даже и ее. В последнем случае судный список заканчивался формулой передачи дела на доклад: «и о сем судья рекся доложить государя своего великого князя». Правая грамота, являясь завершенным судебным документом, всегда включает в себя судный список полностью, к которому добавляется вердикт по делу.

Можно выделить три основные категории судебных документов:

1. Правая грамота – полностью завершённый протокол судебного разбирательства, включающий в себя прения сторон и решение по делу.
2. Докладная правая грамота – судебный протокол, который прошёл через процедуру доклада. Включает в себя первоначальное разбирательство, процедуру доклада и решение по делу, вынесенное судьей, разбиравшим дело на начальном этапе.
3. Судный список – неоконченный протокол судебного разбирательства передаваемого на доклад. Не содержит финального решения по делу, вынесенного судьей, разбиравшим дело на начальном этапе. Чаще всего включает в себя процедуру доклада, но иногда может не включать и её, ограничиваясь формулой о передаче дела на доклад.

Е. С. Дилигул. Книга о Тихвинской иконе Богоматери редакции Симеона Полоцкого: литературный и исторический контекст

Основная научная работа ведётся в рамках темы магистерской выпускной квалификационной работы (ВКР), которая посвящена истории бытования текстов о Тихвинской иконе Богоматери в XVII в. На нынешнем этапе исследования основной упор был сделан на участии одного из крупнейших деятелей барочной культуры XVII в., воспитателя царских детей Симеона Полоцкого в создании произведений, написанных в честь иконы Богоматери Тихвинской.

Симеон Полоцкий работал с Тихвинскими сюжетами, опираясь на труд тихвинского иконописца Родиона Сергеева, а именно на его Книгу о Тихвинской иконе Богоматери, текст и миниатюры которой были созданы им в 1658 г. Иконописцем были собраны вместе и переработаны все известные на то время произведения, посвященные Тихвинской святыне. В труде Родиона Сергеева акцент сделан на особой роли Тихвинской иконы и обители для Российского государства. Создание Книги о Тихвинской иконе Родионом Сергеевым, в состав которой входила и Повесть об осаде Тихвинского Успенского монастыря, где явно подчеркивалась роль монастырской святыни и самой обители, было связано с тем, что значение монастыря в русско-шведской войне в начале XVII в. стала постепенно забываться.

Из переписки игуменов Тихвинского Успенского монастыря с князем П. И. Прозоровским исследователь узнает, что оригинал рукописи Книги о Тихвинской иконе Родиона Сергеева в 1675/1676 г. была привезена в Москву на Печатный двор, откуда перешел к Симеону Полоцкому. Свидетельства писем являются косвенными подтверждениями того, что Симеон Полоцкий готовил к печати Книгу о Тихвинской иконе.

В настоящее время сохранились черновые списки Книги о Тихвинской иконе редакции Симеона Полоцкого, что позволяет выделить этапы его редакторской работы над текстом памятника. В своей редакции Книги Симеон Полоцкий позиционирует Тихвинскую икону не только как всероссийскую, но и как общехристианскую святыню.

Таким образом, эта тема имеет непосредственное отношения к истории Тихвинского Успенского монастыря. Параллельно с магистральной научной темой проводится работа по изучению библиотеки Тихвинского Успенского монастыря, а также дополняются сведения о связях обители с представителями государева двора.

Н. В. Башнин. Миграция крестьян до и после 1649 г.

Изучение государственных кадастров и внутривотчинной документации позволило расширить сведения об освоении Сибири в XVII в. Согласно подсчётам, в яренской вотчине Вологодского архиерейского дома в 1646 г. упомянут всего 471 человек. Из этого числа 347 (73,6%) людей на момент описания проживали в населённых пунктах. Отправились в Сибирь, Вятку, другие волости Яренского уезда и «сошли безвестно» 113 (24,1%) человек. Источник зафиксировал 11 (2,3%) смертей. Наибольший отток людей наблюдался на рубеже 1630–1640-х гг. Всего вотчина потеряла 124 человека, из них умерли 11 (8,8%). Наибольшее число людей ушло в Сибирь – 74 (59,7%) человека. В большинстве случаев уходили молодые холостые мужчины (30 человек, 24,2%) или же хозяева дворов без жён (30 человек, 24,2%). Сопоставим данные, полученные при анализе переписи небольшой вотчины, и в целом по уезду. А.И. Копанев зафиксировал убыль населения в Яренском уезде с 1631/32 по 1645/46 г. на 1 378 человек. На основании таблицы, составленной историком, мною подсчитано

процентное соотношение по направлениям миграции. В Сибирь отправились 748 (54,2%) человек (холостые, хозяева дворов без жён, отец с сыном/сыновьями и семьи). «Сошли» на Вятку, к Москве, в Пермь и другие населённые пункты, а также «сбрили безвестно» 199 (14,5%) человек; умер 431 (31,3%) человек. Таким образом, данные по уезду в целом и по вотчине показывают близкие пропорции относительно количества людей, ушедших в Сибирь – более 50%. Всего в описании яренской вотчины Вологодского дома Св. Софии в 1678 г. упоминаются 668 людей, из них 580 (77,9%) проживали на момент проведения переписных работ в архиерейских землях, а 148 (22,1%) значатся ушедшими или перешедшими на новое место жительства в пределах софийской вотчины (139 человек; 20,8%) и умершими (9 человек; 1,3%). Проанализируем сведения о миграции населения. Наибольший отток людей наблюдался в 1670-х гг. Зафиксировано переселение 148 человек, из них 127 (85,7%) ушли, 12 (8,2%) пришли и 9 (6,1%) умерли. Остановлюсь подробнее на случаях переселения. В Сибирь отправилось всего 17 (11,5%) человек, 14 (9,5%) из них были холостыми; ушли в известных направлениях 27 (18%) человек. Внутри вотчины переселились 46 (31,1%) человек. По сравнению с 1646 г. видно, что количество людей, отправившихся в Сибирь, сократилось более чем в четыре раза – с 74 до 17 человек (с 59,7 до 11,5%). Отмечена миграция внутри вотчины (в предыдущей переписной книге не зафиксирована). Итак, на примере одной вотчины видно, что население её с 1646 г. к 1678 г. возросло с 347 до 580 человек, хотя многие крестьяне фертильного возраста ушли в Сибирь. По подсчётам М.М. Богословского и А.И. Копанева общее число жителей в Яренском уезде с 1620-х до 1670-х гг. также возросло в 1,5 раза, несмотря на миграцию и смертность. В результате исследования выявлены следующие причины миграций в Сибирь: 1) желание заработать; 2) нежелание выплачивать долги; 3) укрытие от правосудия; 4) поиск родственников. Наиболее удалённая от Усть-Выми точка в Сибири, упомянутая в документах, – Енисейский острог. Расстояние между этими населёнными пунктами по современным автомобильным дорогам составляет около 4 тыс. км. Архиерейская и монастырская администрация, видя бездействие общероссийского законодательства в деле прикрепления крестьян к земле (Соборное уложение 1649 г.), актуализировала правовые традиции Русского Севера для закрепления крестьян в своей вотчине и заключала порядные (выявлено 2 случая 1656 и 1670 гг.).

М. Е. Проскуракова. Призвание Российским государством служилых иноземцев в Карелию во второй половине XVII века

В центре исследования находилась история иностранцев, которые были вовлечены в проведение военно-административной реформы в конце 1640-х — начале 1650-х гг. По воле московских властей в 1649 г. иноземные наемники прибыли в карельский край для организации поселенного войска, обучения крестьян ратному делу и создания системы острожков и застав в зоне русско-шведской границы. Учреждение института «оседлых солдат» стало частью государственной политики, направленной на внутреннюю — военную, административную и социальную — колонизацию окраинных земель. За образец проведения военной реформы Москва приняла шведскую систему милитаризованных округов и полков, комплектовавшихся жителями этих округов.

По мысли властей, реализация данного проекта должна была обеспечить защиту пограничного уезда от шведов. Воплощение идеи в жизнь было поручено иноземцам, имевшим опыт службы в полках того же типа иностранных армий. Таким образом, стремясь укрепить власть в русско-шведском приграничье, Москва использовала новые для российского общества идеи. Усиливая контроль над Заонежскими и Лопскими погостами, центральные российские власти действовали, заимствуя формы, широко распространенные в северных странах Европы. Создание в Карелии войска милиционного типа означало попытку унификации русских и европейских институтов.

Действия центральных властей были направлены также на реорганизацию жизни крестьянской общины. Прибывшие в карельский регион военные происходили из стран Западной Европы или являлись иммигрантами второго-третьего поколений и представляли

обособленную и закрытую социальную группу. Их участие в жизни крестьян Заонежских и Лопских погостов создало новую реальность социальной интеграции. Внутри института поселенных войск стали формироваться и выстраиваться новые связи, происходило расширение контактов и создавалась новая социальная система Русского государства.

Таким образом, можно сделать вывод о трансформации отношения московских властей к «немцам» в середине XVII века: иноземцы стали необходимой частью русской армии и фактически заняли позиции кадровых военных «регулярной» службы. Несмотря на инспирированные патриархом и направленные против иностранцев и иноверцев законы, служилые «немцы» продолжали обучение крестьян, ежедневно контактируя с православными, и находились на страже северо-западной окраины Русского государства.

При введении института поселенных войск центральные власти не приняли во внимание специфику карельского края: значительные расстояния между населенными пунктами, отсутствие инфраструктуры, суровые климатические условия. Непродуманность в организации пребывания иноземцев в регионе спровоцировала конфликты с местными жителями. И в то же время это не стало причиной ликвидации поселенных войск в 1666 г. Ее следует искать в отказе Москвы от соблюдения главного условия записи крестьян в солдаты — «ближняя служба», то есть оборона карельской земли. Нарушив это обязательство, центральные власти потеряли контроль над местным крестьянским сообществом в годы военного противостояния на западной границе и вынуждены были отказаться от всего проекта.

Т. А. Базарова. Русские дипломаты в Стамбуле: Эпоха Петра Великого

Политика Петра Великого по отношению к Османской империи зависела от международной политической ситуации. С начала XVIII в. западноевропейская и петровская дипломатии рассматривали взаимоотношения России с Османской империи в контексте Северной войны. Основная задача, которую поставил царь перед руководством Посольского приказа — дипломатическими средствами не давать разгореться военному конфликту на юге России.

В годы правления Петра Великого было два постоянных дипломатических представителя при Высокой Порте: посол П.А. Толстой (1702–1710 (1714)) и резидент И.И. Неплюев (1721–1735). К османскому двору также отправляли дипломатов и гонцов, имевших задачи разной степени важности (от которых зависел и срок пребывания). В Петровскую эпоху в Стамбуле дипломатические поручения выполняли: чрезвычайный и полномочный посол Е.И. Украинцев (в 1699–1700), переводчик С.Ф. Лаврецкий, подьячий Г. Юдин (ум. в декабре 1700) и старый подьячий М.Р. Ларионов (в 1700–1701), чрезвычайный и полномочный посол Д.М. Голицын (в 1701), полномочные министры (с 1712 г. — послы) П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев (в 1711–1714), чрезвычайный и полномочный посол Авраам Федорович Лопухин (в 1712–1713), чрезвычайный и полномочный посол Дмитрий Андреевич Бестужев-Рюмин (в 1713–1714), посольский секретарь (не принят Высокой Портой) Л.Т. Протопопов (1714), майор И. Натали (в 1715 и 1718), чрезвычайный и полномочный посланник А.И. Дашков (в 1719–1721), лейб-медик Г. Поликала (в 1721–1722).

Анализ текстов договоров и царских грамот, а также делопроизводственной документации Посольского приказа, переписки и отчетов послов позволил выделить следующие ключевые проблемы взаимоотношений двух государств: приграничные конфликты; пребывание русских войск на территории Польши; передача османам Азова, разорение новопостроенных русских крепостей; «шведский фактор»; территориальные претензии османов на часть Украины; установление русско-турецкой границы и пр. Материалы вышеуказанных источников также позволили не только уточнить численность и состав русских дипломатических миссий, но и исследовать малоизученные аспекты деятельности и пребывания русских послов и резидентов при османском дворе («механизмы» воздействия на османское правительство, контакты и игра на противоречиях внутри европейского дипломатического корпуса, создание сети информаторов, а также выкуп и отправка на родину военнопленных, подготовка толмачей и переводчиков и др.).

Ю. Н. Беспятых. Даниэль Дефо «Правдивая, достоверная и непредвзятая история жизни и славных деяний царя Московии от его рождения до смерти...»: изучение и публикация

Признанному классику английской и мировой литературы принадлежит множество трудов, причем отнюдь не только художественных произведений, но и в разных иных областях знания (история, география, экономика, психология, педагогика, социология).

При жизни писатель обрел широкую известность прежде всего благодаря журналистской и просветительской деятельности, оказывавшей значительное влияние на умонастроения тогдашнего британского, и не только, общества; он почитается также одним из родоначальников современной нам полемической журналистики и реалистического романа как жанра и его поджанра — робинзонады.

Труд о русском царе-реформаторе (437 р., прибл. 20 а. л.) Д. Дефо опубликовал дважды — в 1723 и 1725 гг. Второе издание имеет следующий титул (даю в сокращении): «Правдивая, достоверная и непредвзятая история жизни и славных деяний царя Московии от его рождения до смерти...».

Д. Дефо многие десятки раз ссылается на положенные в основу сочинения источники, однако за редкими исключениями глухо, не упоминая ни их авторов, ни названий. В нашей отечественной и зарубежной литературе отсутствуют сколько-нибудь целенаправленные попытки определить круг этих источников; исследователи ограничиваются несколькими вполне случайными наблюдениями над текстом. Участники проекта РФФИ (2018–2020) Н.Г. Беспятых, Ю.Н. Беспятых, Н.В. Кирющенко предприняли первый опыт перевода труда на русский язык и его последовательного источниковедческого изучения.

Ю. Б. Фомина. История формирования корпуса «Писем и бумаг императора Петра Великого»: идея, реализация, отклики

Во второй половине XIX века было задумано и начато осуществление многотомного издания «Писем и бумаг императора Петра Великого» — одного из грандиозных проектов как в нашей стране, так и за рубежом. Идея публикации «Писем и бумаг ...» для увековечивания памяти о государе-преобразователе и его деяниях принадлежала директору Публичной библиотеки, академику А.Ф. Бычкову. Появление столь значительного проекта, получившего покровительство членов императорской фамилии и широкую поддержку ученого сообщества, было обусловлено возрастающим интересом к личности Петра I и стремлением к изучению и осмыслению событий конца XVII – первой четверти XVIII века; а поводом стали юбилейные торжества по случаю 200-летия со дня рождения Петра I.

Для воплощения замысла в 1872 г. была образована специальная комиссия, в состав которой вошли известные ученые. Предполагалось за четыре года подготовить собрание всех документов Петра Великого, которые были собственноручно составлены, исправлены, дополнены, подписаны царем или готовились при его участии, и сохранились в подлинниках и списках, в том числе не дошедших до нас, но к тому времени опубликованных.

За время работы была проделана огромная подготовительная работа по разысканию, отбору, копированию, археографической обработке, систематизации материалов для «Писем и бумаг...». Впервые собранные в единый комплекс материалы включали документы разного жанра, отражающие многочисленные стороны деятельности Петра I, содержащие разнообразные сведения по истории России первой четверти XVIII в. и рисующие масштаб и многообразие личности царя.

В широкий научный оборот введены малодоступные ранее источники, находящиеся в разных государственных и частных архивах в России и за рубежом. С 1887 г. увидели свет первые 13 томов «Писем и бумаг...» (1688–1713 гг.); документы за 1714–1725 гг., собранные для публикации в конце XIX – начале XX в., остаются неопубликованными.

Сохранившийся подготовительный материал и изданные тома позволяют проанализировать результаты работы Комиссии (объем, источники поступления документов; соотношение подготовленных Комиссией сводов и вышедших публикаций); вклад

составителей в формирование корпуса петровских документов и подготовку их к публикации на разных этапах и в разных формах).

К сожалению, до сих пор, спустя почти 150 лет, подготовленный Комиссией для публикации, этот монументальный памятник остается незавершенным, несмотря на огромное научное значение, которое признавалось за ним многими исследователями с конца XIX по настоящее время.

С. Н. Искюль. Петр III и «Манифест о вольности дворянства» (1762 г.)

Среди печатных материалов, собранных в коллекции документов, хранящихся в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, нами обнаружена «Хронология наследственная российских монархов от Рюрика до Александра I Павловича», сочиненная неким Шарлем Сент-Андре около 1818 г. Рядом с именем каждого царя или императора имеется краткое упоминание о деяниях его царствования. Рядом с именем Петра III Феодоровича значится указание «Достопамятные манифесты».

Для тех, кто знаком с историей российского XVIII века ясно, что речь идет о манифестах о вольности дворянства, об уничтожении Тайной розыскных дел канцелярии и о других законодательных актах этого деятеля. Но 34-летнее царствование Екатерины II даже в историческом сознании до сих пор заслоняет полугодовое царствование Петра III, и знакомые с этой эпохой не всегда вспоминают о манифесте 1762 г. и чаще всего говорят о жалованной грамоте Екатерины II дворянству, обнародованной в 1785 г.

Текст манифеста сопровождался обширным введением. В нем говорилось об успехах Просвещения, отдавалось должное развитию наук в особенности при императрице Елизавете Петровне, отмечалось, что «всяк истинный сын Отечества своего признать должен, что последовали от того неисчислимыя пользы, истреблена грубость в нерадивых о пользе общей, переменилось невежество в здравый рассудок, полезное знание и прилежность к службе умножило в военном деле искусных и храбрых генералов, в гражданских и политических делах поставило сведущих и годных людей к делу, одним словом заключить, благородные мысли вкоренили в сердца всех истинных России патриотов беспредельную к Нам верность и любовь, великое усердие и отменную к службе Нашей ревность».

А потому, - следует далее в манифесте, – и не находим Мы той необходимости, в том, чтобы вынуждать к службе, какая до сего времени потребна была.

Поэтому, из Высочайшей Нашей Императорской милости, отныне впредь и на вечныя времена жалуем Мы всему Российскому благородному Дворянству вольность и свободу».

И при этом «служба Государева» отныне осуществляется дворянством на заранее определенных условиях:

- 1) Дворяне могут служить столько, сколь долго пожелают, но в военное время обязаны служить, а перед открытием военных действий, если ходатайствовать об отставке, то весьма заблаговременно, и после окончания войны ожидать резолюций на ходатайства об отставке или об отпуске у непосредственных начальников, после чего должна последовать и «Наша Всевысочайшая конфирмация».
- 2) Все служащие дворяне «за добропорядочную и беспорочную Нам службу» ко времени отставки должны были награждаться по одному рангу к чину, в котором состояли больше года. Это относилось к тем, кто выходил в полную отставку. Те же, кои просить будут увольнения для перехода из военной службы в гражданскую, также жаловались рангом к чину, если состояли в нем уже три года.
- 3) Далее не возбранялось дворянам выходить из отставки и вновь вступать в военную или гражданскую службу «если их к тому достоинства окажутся и теми ж чинами, в каковых они состоят, с переименованием военных чинов, но старшинством младшими пред всеми теми, кои уже состояли в той службе» <...>
- 4) Далее весьма важный пункт: «...Кто ж из дворян, будучи уволен из службы, пожелает отъехать в другие Европейские Государства, таким Коллегия иностранных дел должна была давать «надлежащие паспорта беспрепятственно» с

обязательством, чтобы «когда нужда востребует, то б находящиеся за границей дворяне вернулись в свое Отечество, когда только о том учинено будет надлежащее обнародование, и всякий в таком случае обязан будет «со всевозможной скоростию волю Нашу исполнить, под штрафом секвестра его имения».

Пожалуй, это была единственная или одна из весьма немногих до некоторой степени стеснительных для российского дворянства статей манифеста.

И рядом с нею такая статья:

«... Занимающиеся службой у прочих Европейских Государей Российские Дворяне, могут, возвратясь в Отечество свое, по желаниям и способности вступить на вакансии в Нашу службу...».

Манифест возлагал на дворянство еще одну обязанность, а именно: что касается своих детей, начиная с 12-ти лет, давать в Герольдии сведения об их воспитании и образовании и о том, где далее собираются учиться, в России ли, «в учрежденных на иждивении Нашем разных училищах, или в Европе чрез искусных и знающих учителей». В статье следовало указание, «чтобы никто не дерзал без обучения пристойным благородному Дворянству наукам детей своих воспитывать под тяжким Нашим гневом» и «те из дворян, у кого не более 1000 душ крестьян, должны «объявлять» своих детей в Шляхетный Кадетский корпус, по выходе из которого каждый волен пойти или не пойти служить».

В заключении манифеста следовала важная концовка, в которой император Петр III «наиторжественнейшим образом» обещал навсегда «свято и ненарушимо содержать в силе» все установления о преимуществах российского дворянства с тем, чтобы, и нижепоследующие по Нам законные Наследники в отмену сего в чем-либо поступить не смогут, ибо сохранение сего Нашего узаконения будет им непоколебимым утверждением Самодержавного Всероссийского Престола».

Таким образом, обретя свободу служить или не служить, дворяне получили такие права, которых не имели другие сословия. Если при вступлении на престол Петра III дворянские обязанности и права, лежавшие на «чашах» государственных весов, были уравновешены, то после манифеста чаша с дворянскими привилегиями перетянула, и как таковых обязанностей почти не оказалось, остались одни права. Дворяне могли поступать на службу в иностранные государства, были избавлены лично от всяких податей, телесных наказаний, не могли быть лишены дворянства, чести, имущества и жизни иначе, как по суду, где заседали равные им, и с Высочайшего утверждения. Наконец, дворянство получило возможность, которой раньше было в большинстве своем лишено: те, кто хотел, могли оставить обязательную службу и переселиться в поместья, где, так сказать, на практике заниматься своим хозяйством и крестьянами. Отныне правительство могло рассчитывать, что собственные интересы заставят землевладельцев заботиться о крестьянах и об их хозяйстве, поддерживая в них способность нести налоговое бремя; нерадение об этом могло иметь печальные последствия для помещика, который был ответственен перед государством за податные платежи своих крестьян. Весьма немаловажно и то, что обретенное значительное положение и привилегии российского дворянства оказали с тех пор в долгосрочном плане благотворное влияние на рост самосознания российской аристократии и дворянства и их вклад в развитие культуры.

Без всякого преувеличения можно утверждать, что дарование свободы российскому дворянскому сословию открыло новую страницу в истории России. И так, после Петра III начался процесс обретения свободы, а российское общество сделало первый шаг на долгом и мучительном пути к конечному освобождению от крепостных пут. Едва ли это стремление выдать желаемое за действительное, слишком все очевидно для тех, кто привык документальному осмыслению событий прошлого и критически мыслить.

Что касается Екатерины II, которая воцарилась на престоле в том же 1762 г., то манифест о вольности дворянства, который «состоялся совершенно по воле Петра III» и поэтому «честь дарования свободы и вольности российской дворянству всецело

принадлежала ему» (об этом писал в свое время все тот же Семевский), то он отменен не был, но он не был и подтвержден в полной силе сразу по воцарении Екатерины II. В 1763 г. Екатерина передала манифест на рассмотрение особой комиссии, в которую вошли граф А.П.Бестужев-Рюмин, граф К.Г.Разумовский, и другие сановники Империи, чтобы привести содержание манифеста, как она выразилась, «в лучшее совершенство». Но комиссия сочла, что в этом, если иметь в виду дух и букву манифеста Петра III, нет никакой необходимости, и это несмотря на то, что манифест был принят некоронованным императором. Таким образом, с 1762 г. манифест остался неподтвержденным едва ли не для того только, чтобы не упоминать имя Петра III, а через два с лишним десятилетия, в 1785 г., когда многие современники уже ушли из жизни, когда многое из недавних событий воспринималось по-иному, Екатерина II пожаловала дворянству собственную «Грамоту на права, вольности и преимущества», в которой ни словом не обмолвилась о манифесте 1762 г.

Т. В. Костина. Привилегии и устав Академии наук 1770 г. в Архиве СПб ИИ РАН

Существующие издания уставов Академии наук (1974-1975, 1999 и 2009 гг.) подразумевают, что с 1747 по 1803 гг. Академия наук ни одного устава не получала. Действительно, если подходить к делу формально, то подтвержденных (официально утвержденных царствующей особой) уставов в этот период принято не было. Однако при ближайшем рассмотрении можно обнаружить, что *de facto* существовал по меньшей мере еще один устав, заслуживающий пристального внимания исследователей. Это устав был составлен камер-юнкером В.Г. Орловым, назначенным в октябре 1766 г. директором Академии наук для реформирования ее деятельности.

Текст проекта устава сохранился в Ф. 36 (Воронцовы) Архива СПб ИИ РАН, куда он попал среди бумаг Сенатской комиссии по расследованию дел в Академии наук под руководством генерал-прокурора А.А. Вяземского. В 2016 г. устав как неутвержденный проект был опубликован в книге «Академия наук в контексте историко-научных исследований» Г.И. Смагиной. Представляется, однако, что есть основания считать устав и штат введенными в действие без подтверждения, по меньшей мере частично. В бумагах комиссии он отнесен в раздел «Учреждения, по которым делались и делаются исполнения»; учебные заведения Академии наук были преобразованы в соответствии с уставом, из делопроизводства пропал положенный по уставу 1747 г. университет, появились элевые; бюджет Академии наук на 1771 г. составил сумму 75000, указанную в проекте устава.

Таким образом, изучение представленного Орловым Екатерине II проекта 1770 г., необходимо продолжать, не считая его более лишь «проектом», а сопоставляя с реальной деятельностью Академии наук, ее штатным расписанием и финансированием в 1770-е гг.

А. А. Ефимов. Архитектурно-градостроительная деятельность МИД в 1826–1917 гг. и участие в ней членов дома Романовых

Одним из центральных государственных учреждений, активно участвовавших в формировании архитектурного облика столицы, ее пригородов и целого ряда городов и городков Российской империи, было Министерство императорского двора (МИДв). Его работа имела огромное значение для оформления застройки в первую очередь центральных районов Северной столицы и ее пригородов, а также помогла создать множество других прекрасных памятников архитектуры. Под руководством и контролем Придворного ведомства были возведены ансамбли императорских и великокняжеских резиденций, ставшие неотъемлемой частью Санкт-Петербурга и его пригородов, различных регионов России и ряда других стран, входивших в XIX веке в состав Российской империи (Украина, Грузия, Польша).

Проведенное в 2012-2017 гг. исследование архитектурно-градостроительной деятельности Министерства императорского двора в Санкт-Петербурге и его пригородах в XIX веке, результаты которого нашли отражение в кандидатской диссертации и монографии, показало весомый вклад Придворного ведомства в формирование застройки центральных районов Петербурга. Основанное на широкой документальной базе, когда помимо опубликованных документов были использованы свыше полутора сотен архивных дел,

отложившихся более чем в двадцати пяти фондах РГИА, РГАВМФ и ЦГИА СПб, оно впервые осветило архитектурно-градостроительную деятельность МИДв в Невской столице в 1826–1890-х гг. и дополненное материалами опубликованных источников и данными историографии, позволило в целом раскрыть роль этого ведомства в создании дворцов для представителей рода Романовых. В частности, была исследована система управления и нормативно-правовая база строительной деятельности, а также проведен анализ практической работы МИД в сфере строительства в Санкт-Петербурге в 1820-х–1890-х гг. Автор на конкретных примерах показывает, что Придворное ведомство практически с самого своего основания принимало активное участие в формировании облика Северной пальмиры и продолжало влиять на него вплоть до конца XIX столетия; и представляет историю создания Министерством императорского двора архитектурных комплексов и ансамблей как связный, единый процесс.

Изучение системы взаимоотношений между членами царской семьи, в первую очередь, великими князьями (великими княжнами), не имевшими формальной, закреплённой законом, власти над Придворным ведомством, и императорами, и взаимодействия младших (по статусу) представителей императорской фамилии с чиновниками Министерства императорского двора (в том числе, штатными архитекторами) при принятии решений по разным вопросам, связанным с проектированием, финансированием, организацией и самим производством строительных работ в своих резиденциях. Этот вопрос, являющийся одним из важнейших для формирования всеобъемлющего представления об истории строительной деятельности Придворного ведомства, созданного и работавшего для финансового обеспечения и обслуживания, в первую очередь, членов императорской фамилии, несмотря на наличие отдельных специализированных публикаций, в целом освещен в литературе далеко не полностью.

Исследование этой проблемы, расширяющее представление о характере архитектурно-строительной деятельности Придворного ведомства проводится в настоящее время на основе документов из фондов великокняжеских контор и учреждений Министерства императорского двора, а также личных фондов членов дома Романовых и чиновников, хранящихся в Российском государственном историческом архиве, Государственном архиве Российской Федерации и Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Оно направлено на раскрытие проблемы взаимодействия и взаимоотношений между чиновниками и будущими владельцами на этапе подготовки к строительству и непосредственного возведения дворцовых комплексов. При этом основное внимание уделяется вопросам организации финансирования, роли членов императорской фамилии в решении проблем с ассигнованиями и борьбе великих князей за получение возмещений от Придворного ведомства за траты, понесенные на собственные резиденции.

М. В. Друзин. Губернаторы Урала в революции 1905 г.

В современной отечественной историографии утвердился определенный взгляд на поведение губернаторского корпуса в ходе революционных событий октября — декабря 1905 г. О.А. Сухова в пространной статье, посвященной губернаторам Поволжья и Урала, констатировала: «Благодаря действиям ряда губернаторов престиж государственной власти был низвергнут с пьедестала и смешан с грязью. [...] В общей сложности более 60 губернаторов не выдержали испытания революцией и лишились своих постов». Автор, в частности, используя немногочисленные источники, в качестве иллюстрации своим тезисам приводит революционные судьбы пермского губернатора А.П. Наумова и уфимского губернатора Б.П. Цехановецкого.

Однако более пристальное изучение событий осени 1905 г. на Урале с привлечением широкого круга источников мемуарного, делопроизводственного, личного характера, публицистики, а равно осмысление причинно-следственных связей между выходом Манифестом 17 октября 1905 г. и проявленной «слабостью» губернаторов на местах заставляют усомниться в абсолютной справедливости вывода О.А. Суховой.

Манифест 17 октября 1905 г. застал губернаторский корпус империи врасплох, вызвав и растерянность, и «бездействие», и даже «потворство» революционерам. Но губернаторы — наместники императора в губерниях, они обязаны исполнять его распоряжения, а Манифест исходил от самого императора. Свобода слова, собраний, союзов — воля императора. Проблема заключалась не столько в плохой коммуникации, когда население узнавало о Манифесте чуть ли не быстрее губернатора и чинов губернского правления и полиции, сколько в отсутствии новых регламентов компетенций местной власти, разъяснений о пределах дарованных свобод. И ставить губернатору на вид, например, то, что он сам раздавал свежееотпечатанный манифест населению и тем вызывал беспорядки — по меньшей мере, странно. Он раздавал не революционные прокламации, а документы, вышедший из-под пера государя. Сам Манифест принимался поспешно и под давлением. Поэтому, на наш взгляд, неправильно перекладывать ответственность высшей и центральной власти на местную администрацию за провалы управления в первые дни после 17 октября 1905 г.

А. Ю. Фомин. Российское офицерство и публичная политика в период думской монархии (1906–1914)

Офицерство — сравнительно немногочисленная, но чрезвычайно значимая для государства социальная группа. Лояльность армии и ее профессионального ядра — офицерского корпуса — была жизненно важна для монархии Романовых, являлась одним из ключевых факторов ее существования. При этом официальная точка зрения монархического государства, согласно которой офицер уже по определению являлся не гражданином, но «преданным слугой державного вождя армии», как будто оказала значительное влияние на работы историков. Представляется, что этот тезис, по крайней мере, нуждается в подкреплении специальными исследованиями. Позиция, занимаемая в дни отречения Николая II как большинством «рядового» офицерства, так и военной «верхушкой» (все командующие фронтами высказались за отречения императора), заставляет усомниться в том, что политическое мировоззрение военных ограничивалось незамысловатой формулой «за веру, царя и отечество». Пресловутые «косность» и «кастовая замкнутость» военной среды, на которые нередко указывают историки, не могли оградить офицерство от веяний времени. В советской историографии, наследие которой живо в трудах современных российских историков, офицеры императорской армии объявлялись представителями «враждебных классов», контрреволюционных сил, как бы исключались из исторического процесса. Их «реакционные» взгляды якобы не претерпевали изменений на протяжении десятилетий, относясь к «пережиткам крепостнического строя». В советском нарративе царское офицерство (за исключением немногих «лучших» своих представителей, как правило, выдающихся полководцев, непременно боровшихся с «отсталостью» и прислушивавшихся к голосу народа) являлось частью силы, стоявшей на пути прогресса, поступательного движения истории. Картина упрощалась отождествлением царского офицерства с белым движением.

Итогом государственных преобразований 1905-06 гг. стала легализация публичной политики. Различные социальные и профессиональные группы получили возможность открыто отстаивать свои интересы. Вопреки распространенному мнению, военные не составляли здесь исключения. После издания «временных правил» о печати от 24-го ноября 1905 г. в России начался настоящий газетный бум. Резко возросло и количество военных изданий. Освобожденная от жесткого контроля администрации военная печать превратилась в площадку для свободного обмена мнений, став частью автономной публичной сферы. На страницах военных изданий (даже в официальном «Русском инвалиде») не существовало служебной иерархии. Обер-офицер мог открыто спорить с генералом. Полемика в военных изданиях велась на основании общих законов публичной дискуссии: она подразумевала равенство участников, различия между ними определялись лишь убедительностью аргументов.

Основную часть «пишущей публики» составляла образованная элита — выпускники высших военно-учебных заведений: Николаевской академии генерального штаба,

Александровской военно-юридической академии, Николаевской инженерной академии и Михайловской артиллерийской академии. Военная печать являлась голосом профессионального сообщества. Через обращение к периодике можно изучить политические предпочтения офицерской корпорации (во всяком случае, ее «пишущей» части). Офицеры были серьезно ограничены в гражданских правах, но их публикационная активность никак не регулировалась юридически, кроме запрета на участие в «противоправительственной агитации». В военном ведомстве рассматривали проекты по установлению особого надзора за «литературной деятельностью» офицеров, но они не были реализованы. Офицеры могли свободно публиковаться в легальных изданиях. Для них это был практически единственный способ законного участия в общественно-политической жизни.

Представляется, что обнаружившаяся в ходе Русско-японской войны неспособность царского правительства поддерживать военное могущество России обусловила политизацию части офицерства. Прежде всего это касалось интеллектуальной элиты русской армии – офицеров Генерального штаба. Сознание угрожающего положения обороноспособности страны привело многих из них в сферу публичной политики. Уже само профессиональное видение нужд и интересов армии сталкивало их с архаичным режимом, казавшимся препятствием на пути успешной модернизации вооруженных сил. Одни открыто становились в оппозицию, декларируя в печати «радикальные» требования об установлении ответственности военного министра перед народным представительством. Другие высказывались более осторожно, стремясь не углубляться в политические вопросы. Третьи стремились наладить неформальные контакты с думскими политиками, пытаясь сделать их своими союзниками в борьбе против влияния придворных сфер.

Политическая мобилизация некоторых групп (в первую очередь гвардейского офицерства) проходила по линии борьбы с «внутренним врагом» – революцией. Для них поражение в войне объяснялось не системными факторами, а случайностями – неудачным подбором командного состава и «предательством» тыла, сбитого с толку антиправительственной пропагандой враждебных России сил. Водворение порядка в стране являлось общим требованием офицерства (за исключением немногочисленных, маргинальных элементов, примкнувших к революционному подполью). Однако отправление армией полицейских функций, достигшее в 1905-1907 гг. небывалых масштабов, преимущественно вызывало недовольство. Охрана внутреннего порядка воспринималась как тяжелое и лишнее бремя. Войска должны были готовиться к борьбе с внешними угрозами, а вместо этого занималась не своим делом: нарушалось обучение нижних чинов, между армией и населением нарастало отчуждение. Носители передового профессионального сознания отдалялись от традиционных монархических представлений, согласно которым основным предназначением армии и долгом каждого военнослужащего является защита прерогатив короны и династии любой ценой. В этом они расходились с близким ко двору и членам императорской фамилии аристократическим гвардейским офицерством, культивировавшим прежние ценности.

Т. Г. Черных. Династия Неманичей в сербских школьных учебниках XX–XXI вв.

Эпоха правления средневековой династии Неманичей для Сербии представляет особую ценность. Ее можно назвать своего рода «золотым веком» сербской истории, так как это не только фундамент, но также пик могущества и величия государства, занимавшего максимальную в своей истории территорию, обладавшего значительной военной силой, активно развивавшегося в сфере культуры и архитектуры. Этот период закончился вместе с началом османских завоеваний, в результате которых Сербия надолго утратила свою независимость, вернув ее лишь в XIX в.

Целью данного исследования является выявление и анализ примеров использования образов представителей династии Неманичей в дискурсе национального самосознания сербского народа, отраженном в школьных учебниках XX–XXI века.

Содержание учебников для основной школы в период конца XIX – начала XX вв. формировалось в первую очередь по биографическому принципу: большую роль играли

известные исторические личности, жизнеописания которых были написаны ярко, живописно и нередко с включением диалогов. Характерен крайне малый процент социальной истории с преобладанием сильно персонифицированной политической. Ясно прослеживается намерение авторов пробудить у учеников симпатии к предкам и показать значимость последних для сербского государства. При этом история средневековья оставалась куда менее идеологически окрашенной, чем история нового времени. В советский период ролям отдельных личностей в истории стали предавать куда меньшее значение. Подчеркивалось, что не все периоды истории одинаково важны: в соответствии с учебными программами основное внимание необходимо было уделять событиям XX века, а средним векам отводилась значительно меньшая его часть. Особенностью сербских учебников, выходящих в свет после распада Югославии, с начала 1990-х годов, становится нейтральная подача материала, отсутствие идеологической направленности и достаточно сбалансированное распределение внимания между политической и социальной историей страны.

Наибольшее внимание в учебной литературе уделяется трем самым значимым представителям династии: великому жупану Стефану Немане, его сыну Савве, ставшему первым сербским архиепископом и главным сербским святым, а также их потомку, первому сербскому царю Стефану Душану Сильному. Благодаря тому, что основатель правящего рода, Стефан Неманя вскоре после своей смерти был провозглашен святым, династия Неманичей получила название «святородной». Впоследствии традиция канонизации правителей продолжилась, и из наиболее известных Неманичей только Стефан Душан не был объявлен святым. Несмотря на это, ему уделяется не меньшее внимание благодаря его заслугам в управлении страной: существенному расширению границ государства; учреждению патриархии; унификации сербского законодательства и принятию Законника Стефана Душана; получению сербским государством статуса царства.

В работе делается вывод о зависимости характера отображения представителей династии Неманичей в школьных учебниках от заявленных в конкретную эпоху целей исторического образования и степени внимания к средневековой истории. Тексты учебных пособий, как правило, нейтральны и безоценочны, все ключевые факты биографий перечисляются. Степень детальности изложения отдельных эпизодов может достаточно сильно варьироваться от учебника к учебнику, но отражение ключевых событий остаётся достаточно схожим. При изложении материала, посвященного канонизированным правителям государства, основной акцент в учебниках делается на их заслугах в церковной и внутренней политике, а также симфонии Государства и Церкви.

***М. В. Тихонова.* Анализ востребованности фондов Архива СРБИИ РАН: перспективы оцифровки**

Фонды Русской и Западноевропейской секций как объект исследования являются предметом гордости архива и по количеству единиц хранения, и по объему содержания и отражают разнообразные стороны политической, социально-экономической и духовной истории России и стран Западной Европы. Не случайно ежегодно в читальный зал нашего архива посещает более 150 исследователей из России, стран СНГ и дальнего зарубежья (Германия, Польша, Франция, Италия, Бельгия и др.), подавляющее большинство из которых учащиеся и сотрудники учебных заведений, институтов РАН и учреждений культуры, являлись представителями религиозных и общественных организаций.

Продлить жизнь подлинников, обеспечить их максимальную сохранность призван перевод в электронный вид исторических документов и формирование баз данных на основе архивных описей, т.е. оцифровка фондов. Системный подход к этому процессу будет способствовать наведению порядка в фондовом учете, упрощению поиска документов, снижению нагрузки на сотрудников и времени при обработке запросов исследователей, сохранению ветхих оригиналов, переходу к предоставлению архивных услуг в электронном виде.

Из-за недостатка финансирования подавляющее большинство архивов, и наш не является исключением, используют оцифровку для решения разовых, узких задач.

По аналогии с внедрением множества программных продуктов под каждую мелкую задачу, такая оцифровка получила название «лоскутной». Например, в связи с юбилеем значимой для субъекта РФ личности и при получении финансирования сканируются отдельные документы и фонды, что на данный момент слабо отражается на общей эффективности работы архива, так как суммарный объем переведенных в электронный вид документов составляет доли процента от общего объема фондов. Но и эту работу делать надо, параллельно добиваясь продвижения длительных программных бюджетов с точки зрения развития архивных услуг и онлайн-сервисов.

Поэтому при определении приоритетов при оцифровке фондов я опиралась на количественные показатели. В соответствии с правилами Читального зала Архива каждый исследователь предоставляет отношение от организации (или личное заявление), в котором указывает тему своего научного интереса. Сведения о номерах дел и фондах отражаются в индивидуальных для каждого читателя листах использования. Статистическая обработка этих документов за последние 3 года и использование контент анализа при обработке указанных тем научных исследований позволяют получить сведения об информационном интересе читателей и выбрать первоочередные фонды для оцифровки (данные будут предоставлены позже).

Е. И. Носова. Изучение рукописных памятников естественнонаучными методами: трудное начало

Доклад посвящен апробации различных естественнонаучных методов для исследования рукописных памятников. В зависимости от материала памятника и поставленных задач применялись методы: оптической и поляризационной микроскопии, рентгенофлуоресцентного и рентгенофазового анализа, ИК-Фурье спектроскопии, электронной сканирующей микроскопии. Были поставлены задачи и получены результаты для разных составляющих рукописных памятников: чернил и восковых печатей.

1. В ходе мониторинга состояния фондов были обнаружены документы, написанные на пергамене чернилами насыщенного зеленого оттенка. На основе обзора исторических рецептов чернил было выдвинуто предположение, что эти записи выполнены медно-галловыми чернилами. В отличие от железо-галловых чернил, медно-галловые до сих пор не становились объектом специального исследования. При помощи рентгенофлуоресцентного анализа (РФЛА) было установлено, что содержание меди в образцах зеленых чернил составляло более 6000 ppm, тогда как в образцах коричневого оттенка (наиболее распространенного цвета чернил в Средние века и Новое время) оно было значительно ниже (менее 400 ppm), что может свидетельствовать о том, что использовались медно-галловые чернила. Планируются дальнейшие совместные работы в сотрудничестве с Ресурсным центром «Оптические и лазерные методы исследования вещества» Научного парка СПбГУ с целью выявить органическую составляющую чернил и их влияние на пергамен.
2. В ходе документальной проверки фондов Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН и планирования реставрационных работ был выявлен образец печати, окрашенный в темный бордово-коричневый оттенок, выделяющий его из общей массы артефактов. Печать удостоверяет грамоту графа Сигеберта Франкенбургского и датируется 1191 г. Помимо цвета она отличается необычной структурой: восковая масса сильно осыпается, но в меньшей степени подвержена расслоению, чем близкие по дате образцы. С помощью рентгеноструктурного анализа (рентгеновский дифрактометр Дифрей-401, пр-во АО «Научные приборы», Россия) было установлено, что в образце присутствует оксид железа (III) и диоксид кремния, из чего был сделан вывод, что печать была окрашена болусом. Подтверждение этой практике было найдено в работе Г.А.Зейлера (1894 г. издания), однако без ссылок на какие-либо источники или химический анализ. Доказательство этого факта представляется значимым, так как

речь идет о конце XII в., т.е. о первых случаях появления окрашенных печатей. Этот пример фиксирует практику, которая не закрепилась в широком обиходе, так как в дальнейшем печати чаще всего окрашивали в красный (с помощью киновари и сурика или их смеси) или зеленый цвет (с помощью ярь медянки).

Т.Н. Азизова. Предреставрационные исследования сставов Ростовского уезда конца XVII века

Перед подготовкой задания на реставрацию необходимо провести ряд исследований для выбора оптимальной методики реставрации. При исследовании сставов Ростовского уезда 1681 года получены интересные результаты по двум методам.

Документы на тряпичной бумаге различного качества, текст рукописный, чернила железо-галловые, с правого края виден затёк об подмочки, в результате текст ослаблен, а бумага имеет утраты.

При исследовании в УФ-лучах на участке затёка наблюдается свечение фиолетового и жёлтого цвета по правому краю листа, а коричневое окрашивание от пигмента смещено к середине, образуя чёткую границу затёка. Видимо, в результате подмочки литов, имеет место разделение компонентов чернил.

Микроскопическое исследование на стереомикроскопе SZX10 при увеличении до 94,5 позволило увидеть поверхностное расположение чернил на бумаге. На широких штрихах, где чернил много, по краям виден слой тёмно-коричневого цвета с матовой гладкой поверхностью, белёсым налётом, с трещинами. В середине этого штриха наблюдаются крупинки чёрного, тёмно-коричневого, почти белого цвета и с радужной окраской. Видимо, это компоненты чернил. На отдельных листах видно синее подсвечивание по краям штриха или синие включения, что свидетельствует о наличии дополнительного пигмента, который добавлялся для усиления цвета чернил.

Для подтверждения высказанных предположений необходимо провести дополнительные исследования.

Ю.П. Баскакова. Исследования и консервация негативов на стекле из фонда А.Д. Люблинской в СПб ИИ РАН

Исследования и консервация негативов на стекле из фондов ИИ РАН, коллекция А.Д.Люблинской.

Мониторинг физического состояния негативов на стекле коллекции А.Д. Люблинской из фондов СПб ИИ РАН, показал наличие большого количества дефектов стекла и значительные изменения состояния эмульсии в результате их бытования.

В рамках мониторинга был выполнен комплекс мероприятий по консервации фотодокументов. Было проведено обеспыливание сухим ватным тампоном всех негативов и удаление множественных загрязнений, пастоно лежащих на стекле, ватным тампоном смоченном в спиртовом растворе. Все негативы были переложены микалентной бумагой и уложены в предварительно обеспыленные коробки.

В ходе обследования были выявлены 2 негатива нуждающиеся в особых условиях хранения, в связи с почти полным отслоением эмульсии. Для обеспечения сохранности они были полностью изолированы от остальных негативов микалентной бумагой. До проведения реставрационных работ недопустима выдача их читателям или исследователям, во избежание полной утраты.

Наиболее распространенными дефектами стекла, являются внутренние воздушные пузыри различной формы, сколы, потёртости и царапины. К дефектам эмульсии следует отнести внутренние и сквозные пузыри и задиры, полученные в процессе изготовления негативов. В процессе бытования на поверхности эмульсии появились царапины, потёртости, отслоение и сколы эмульсии в основном по краям, пятна различного происхождения, а так же металлизация и высаливание реагентов фотохимического процесса.

Исследование поверхности эмульсии методом рентгенофлуоресцентного анализа выявило наличие чистого серебра по месту металлизации, а по месту высаливаний сульфида серебра.

Для обеспечения сохранности фотографических коллекций применяется отдельное хранение с основными архивными материалами, т.к. в соответствии с ГОСТ 7.65-92. «Кинодокументы, фотодокументы и документы на микроформах. Общие требования к архивному хранению» необходимы особые условия хранения: относительная влажность 40-50 %; температура для черно-белых фотодокументов на нитро плёнке +10°C, на ацетатной плёнке, бумаге и стекле +15°C; для цветных фотодокументов на всех видах носителей –5°C. Постоянное хранение фотодокументов осуществляется в темноте.

Е.М. Шепилова. Парилен в консервации архивных, библиотечных и музейных артефактов

Исследование возможности консервации архивных, библиотечных и музейных артефактов нанесением парилена (полипараксилилена) проводится в рамках Проекта РФФИ «Конвергенция» раздел IV: «Тонкоплёночные защитные покрытия с высокими барьерными характеристиками для защиты памятников письменности», совместного с Курчатовским институтом.

Париленовая технология успешно используется для консервации памятников материальной культуры на бумажных носителях. Её преимуществом, перед другими методами консервации с помощью полимерных покрытий, является газофазный метод полимеризации при комнатной температуре, как на поверхности памятника, так и во всём его объёме. Полипараксилилен считается абсолютно инертным полимером. В РНБ работает установка для нанесения париленового покрытия на книги в переплёте без расшивки блока.

В данной работе исследуется возможность консервации париленом восковых и сургучных печатей, а также сгоревших бумажных документов с текстом, выполненным различными носителями.

На восковые и сургучные печати наносилось париленовое покрытие различной толщины с целью определения количества полимера достаточного, как для защиты их от разрушения, так и для закрепления отдельных фрагментов разрушенных печатей смонтированных на бумаге.

Также изучалась возможность развернуть скомканные сгоревшие листы бумаги, покрытые париленом разной толщины для последующей возможности прочитать написанный на них текст.

Париленовое покрытие является необратимым методом консервации памятников материальной культуры, поэтому его допустимо использовать только в случае угрозы их полной утраты.